

A photograph of a white church with multiple onion domes and crosses, situated on a hill. The scene is shrouded in a thick, golden mist or fog, creating a serene and ethereal atmosphere. The foreground is filled with tall, dry grass and some dark, leafy plants. The sky is a pale, uniform yellow, suggesting a sunrise or sunset.

Владимир Тубский

**ОСТРОВ
на
БОЛОТЕ**

Владимир Валентинович Губский

Остров на болоте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35500595

Остров на болоте:

ISBN 978-5-00122-896-7

Аннотация

Почему с годами так манит нас детство? Не потому ли, что там, в далёком и невозвратном прошлом, осталось навсегда наше счастье – чистый родник, к которому хочется припасть, чтобы набраться сил после долгого пути. Пройдут годы, и герой книги поймёт, что в его жизни тоже было счастье... только очень давно, когда мир был огромен, а остров был его родным домом, когда молодые люди любили читать книги и писали друг другу письма. Эта книга – о любви и о том, что называем мы счастьем.

Книга издаётся в авторской редакции.

Содержание

Глава I	5
Глава II	119
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Губский В. В.

Остров на болоте

*«Если имею дар пророчества, и знаю все тайны,
и имею всякое познание и всю веру, так что могу и
горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто».*
Апостол Павел

Глава I

Огромный мир

1

Мир был огромен...

И тьма простиралась над бездонными болотами. Она приходила каждый вечер с востока, цеплялась чёрными космами за верхушки низкорослых сосен, впивалась в холодный водянистый мох, блуждала в стойбище торфяных скирд, расставленных на пружинистых картах полей, и накрывала песчаный остров с его домами, и улицами, и деревянной двухэтажной станцией, сторожившей узкоколейную железную дорогу, соединявшую посёлок с внешним миром. Тьма открывала купол неба и выпускала остров в свободное плавание по Млечному Пути. И он плыл, мерцая тусклыми пузырями жёлтого света, развешенными на деревянных мачтах уличных столбов, теряя последних, редких прохожих, и только под утро, освободившись от ночного сна, вновь оказывался в своей гавани на краю обетованного мира. Оторванный лист календаря летел вдогонку за убегающей тьмой, и новый день всегда начинался с нового листа...

Вначале была любовь, в результате которой в семь часов

вечера в четверг появился на свет тот, кто возвестил о новом этапе в жизни своих родителей: фельдшера-акушерки Нины и бывшего моряка Северного флота Валерия.

Красивая была пара...

Малыш лежал в своей маленькой деревянной кроватке, сделанной руками отца. Кроватку за крючки подвешивали к потолку, и она превращалась в люльку. То, что мог он воспринять, когда открыл глаза, находилось на расстоянии вытянутой руки. В этом маленьком облаке помещались лица родителей, о которых он ничего не знал, но к которым быстро привык. Ещё было много разных и непонятных звуков. Они возникали сразу, как только он пробуждался от сна, и в этом потоке шумов нельзя было ничего разобрать, но постепенно из повторяющихся связей звуков он стал улавливать те, что повторялись чаще других. Это были звуки «папа», «мама», «баба», «Серёжа».

Мир расширялся и скоро занял пространство комнаты.

Через год, когда в марте вся страна простилась с вождём, мир дополнился деревянным ящиком со стальными подшипниками по бокам вместо колёс, который с грохотом катался по тёмному и длинному коридору дома, вселяя панику в домашних кошек и приводя малыша в неопишуемый восторг...

Покинув ящик, Серёжа стал делать первые шаги.

На следующем этапе мир выплеснулся во двор, поглотив улицу, соседний двухэтажный дом, лохматого Шарика, чёрных наглых ворон и общедворового деда Барабана, сидев-

шего под большим деревом и выпускавшего из ноздрей густой махорочный дым. Для освоения этого мира потребовалось транспортное средство в виде трёхколёсного велосипеда. Когда подошла пора и Серёжа, преодолев домашнее притяжение, вышел в открытое пространство улиц и грунтовых дорог, границы мира стремительно раздвинулись. В конце концов они достигли своих естественных пределов – окраин посёлка, упиравшихся в торфяные болота. Как кошка, запущенная в новый дом, любопытный ребёнок знакомился с окрестными сараями, мокрыми и тесными проходами между ними, соседними огородами с высокими грядками, на которых росла вкусная морковь и горох, а также со всеми прочими нагромождениями человеческого бытия.

Жажда познания неведомого так рано пробудилась в пытливой головке кареглазого малыша, что поиски пропавшего Серёжи на долгое время стали главной заботой его двоюродной тёти Валентины, бывшей всего-то на десять лет его старше. Она находила юного путешественника в самых удалённых концах посёлка: то на станции узкоколейной железной дороги, где обитало большое чёрное чудище, умевшее громко гудеть, пыхтеть и выпускать белый пар; то на горячем, парящем круглый год ручье, вытекавшем из «кубовой», то в кузнице, где он не мог оторвать глаз от раскалённой полосы металла, из которой сосед дядя Лёша, как из меча, выделял замысловатое орало. Однако не всегда подобные путешествия заканчивались благополучно.

Однажды за магазином малыш обнаружил огромную серую крышу. Это был врытый в землю ледник, крыша которого была покрыта чешуйчатой дранкой. Пологая, доходящая до земли крыша была похожа на спину гигантской рыбы. На неё-то и вскарабкался бесстрашный Садко. Дранка была старой, ссохшейся и вся ершилась оголёнными шляпками гвоздей. Серёже очень захотелось съехать с такой большой горки вниз, и он съехал... Он не сразу понял, что произошло, но что-то стало пощипывать сзади. Когда же он самостоятельно вернулся домой и мать увидела на месте штанов зияющую кровоточащую ссадину, она запричитала и схватила зелёнку. И тут Серёжа впервые познал, что означает слово – боль.

Самое сильное впечатление, какое он вынес из детства, случилось чуть позже, когда во дворе появился большой жёлтый экскаватор и стал зачем-то копать глубокую канаву. Посмотреть такую работу сбегалась детвора со всех окрестных дворов. Многие, чтобы лучше было видно, забирались на крыши дровяных сараев, со всех сторон окружавших жилые дома. В пятидесятые годы, когда не было ещё центрального отопления на посёлке, сараев было во много раз больше, чем домов, и в гуще их тесных проходов и лабиринте дровяных баррикад дети всегда играли в прятки и в войну.

Когда экскаватор, громко рыча, фыркая и выплёвывая чёрный дым, деловито вгрызался в дорогу, детвора зачарованно следила за действием большого зубастого ковша, поднимавшего со дна глубокой канавы бурый слипшийся грунт.

Пятилетний Серёжа и его четырёхлетняя подружка Таня выбрали для себя безопасное место в стоящем у дороги пустом сарае. Через дыру в стене им было видно, как крутилась на оси, как на курьих ножках, большая жёлтая «избушка», как опускалась и поднималась длинная железная рука с когтистым ковшом, как ползли и ложились под катки широкие, отсвечивающие металлом гусеницы, как громоздилась и росла вдоль дороги высокая земляная насыпь. Огромные куски глины вываливались из ковша и скатывались вниз. Дети не заметили, как привалило землёй дверь сарая. Они спохватились и хотели бежать только тогда, когда накопившийся отвал земли проломил дощатую стену и крыша накренилась, сократив внутреннее пространство. Тогда они поняли, что оказались в ловушке. Очередной ковш земли проломил и хлипкую крышу. Испуганные дети отшатнулись назад и забились в дальний угол.

– Мне страшно... я боюсь!

– Не бойся. Надо подождать, когда он перестанет...

– Мама! .. А если не перестанет?

– Тогда убежим!

Перспектива быть раздавленными в этой деревянной клетке становилась для малышей всё более реальной с каждой минутой. Даже для их детского сознания эти минуты показались томительными часами. Они не кричали, не звали на помощь, от страха они впали в оцепенение и смотрели, как всё ближе прижимается к ним проломленная кровля, как

всё меньше остаётся у них свободного пространства. Дальняя стена сарая скрылась под грудой тяжёлой земли, комки глины уже подкатывали к ногам детей. Они сжались в комочки, обхватив друг друга руками, и тихо ждали своей участи. А жёлтое чудовище всё грызло тяжёлую землю и сыпало её на старый сарай. Сколько прошло времени, они не знали, для них оно остановилось... но, наконец, всё стихло. Только в ушах ещё по инерции продолжало гудеть.

Какое-то время дети сидели не шевелясь и прислушиваясь к звукам, доносившимся извне. Жёлтое чудовище молчало, уткнув зубастый ковш в землю. Дети осторожно осмотрелись. Доски над их головами прогнулись, готовые в любой момент сломаться. Надо было как-то выбираться. Серёжа попытался отодвинуть одну из сломанных досок, она не поддавалась. Тогда он стал отгребать землю руками. Через некоторое время доска с трудом поддалась. Он попробовал просунуться в узкую щель – сначала головой, затем и всем телом и, таким образом, выбрался на свободу. Четырёхлетняя Таня последовала за ним, цепляясь своими ручками за доски и комки земли. Серёжа подхватил её за руки и потянул на себя. Выбравшись из западни, дети вскарабкались на гребень отвала земли. На другой стороне канавы увидевшие их люди стали что-то кричать им, кто-то побежал вокруг, перепуганный экскаваторщик разводил в воздухе руками и вытирал кепкой вспотевший лоб. Через минуту детей тискали в объятиях и целовали счастливые родители.

– Живы?..

– Ах, вы! .. Не сказали... ушли...

– Мама!

– Как же вы нас напугали!

– Как вы залезли туда? Ещё бы немного... и всё!

– Мы хотели посмотреть...

– Они хотели...

– Что ж ты, мать, не досмотрела?

– Надрать бы им ! ..

– Бедные мои, родненькие. Главное – живы.

Растерянные и смущённые вниманием дети всё происходящее вокруг воспринимали как сон. Они были на волосок от гибели, но по-детски до конца не осознали этого, и с момента, когда рёв экскаватора затих, их страх развеялся и быстро забылся.

Когда ещё, как не в детстве случаться великим открытиям? Когда ещё человек способен открыто удивляться всему, что его окружает, не делая умного и утомлённого жизнью лица? Пока не пришла пора ходить в школу, маленькому Серёже надо было понять, как всё устроено в этой жизни: чем мальчик отличается от девочки, как дышит червяк в яблоке, почему болотная росянка ест муху, почему пчела жужжит, гуси шипят, а кошка мурлычет? Где фотограф прячет свою птичку, кто научил корову делать молоко, почему рыба не мёрзнет в холодной воде? Почему, почему, почему? Во всех этих важных вопросах надо было разобраться, всё понять и

запомнить. Каждый день в детстве был полон открытий. Так однажды Серёжа услышал новое для себя слово «спутник». О нём как-то сразу, в один день, заговорили все взрослые в доме. Это слово всех радовало, как будто выпало оно из мешка Деда Мороза, а не из чёрного круглого радио, висевшего на стене. Смысл нового слова не сразу был понятен Серёже, но родители попытались его растолковать сыну и, вероятно, у них это получилось.

Серёжа оделся, взял свой трёхколёсный велосипед и выкатил во двор. Ему хотелось быстрее донести свою новость до всех, кого он знал в своём дворе, но, как назло, двор оказался пуст. Объехав его по кругу, промерив глубину всех луж и не найдя никого, Серёжа подкатил к сидевшему на широком чурбаке деду Барабану – самому старому обитателю двора – и вкратце осветил ему текущий момент и дальнейшие планы освоения космоса.

Надо сказать, что деда Барабана за его большую белую бороду детвора любила и втайне считала, что он-то и есть настоящий Дед Мороз, переодетый на летнее время в старую дырявую телогрейку. На самом деле Иван Барабанов был героем русско-японской войны и под старой, ставшей от времени непромокаемой, пропитанной махоркой и потом телогрейкой, скрывал от посторонних глаз потёртого «Егория», полученного им полвека назад за оборону Порт-Артура. Иван Акимович помнил, как туго приходилось на войне без табака. Солдаты сушили, мяли и пускали в дело всякую

траву, листья, словом, всё, что могло коптить. С тех пор и вошло у него в привычку – подмешивать в махорку всякие добавки, а больше всего любил он мелко нарезанный сушёный хрен, который, по его мнению, придавал махорке особенную крепость. «Опять же, для здоровья большая польза образуется, – уверял он, – вся микроба – наповал!» Никто не проверял, насколько полезен был придуманный дедом курительный состав, но мелкая насекомая дичь за три аршина облетала стороной опасный источник дыма.

Дед Барабан сильно удивился сообщению мальчика и, пустив в сторону густую струю полезного дыма, одобрительно закивал головой, как будто соглашаясь и с планами освоения...

Семья Полыниных жила в большом, двухэтажном, почерневшем от времени бревенчатом бараке, где на первом этаже занимала одну, разделённую занавеской, комнату. При входе в комнату, слева за вешалкой, стояла печь с чугунной плитой с конфорками, которую ежедневно топили. Эту работу делала бабушка Маша, или бабуса, как звал её Серёжа. Она всё время была дома: приносила дрова и воду, готовила еду, что-то шила, вязала, сучила пряжу, мотала клубки, распарывала и перелицовывала старую одежду, стирала в корыте одежду и убиралась в комнате. Серёже нравилась еда, приготовленная бабушкиными руками, её степные супы: с галушками, с клёцками, лапшовые затирухи, казачьи супы с пшеном и жареным луком. Единственное, что вызывало у него огорчение

в еде – была жаренная на сале картошка. Саму картошку он ел, но приходилось постоянно выбирать на сковородке, чтобы не подцепить случайно это ненавистное сало. Когда же на столе появлялась запеченная в молоке треска, в его детской душе наступал праздник, или ермолай, как в шутку говаривал отец. Он вообще любил выдумывать и употреблять разные странные слова. Но как же вкусна была эта треска! Под румяной корочкой запёкшейся заливки, если приподнять её вилкой, исходила ароматным духом поджаренная с луком и распадающаяся на белые ломтики рыба.

Пройдёт полвека, и он вспомнит своё детство, разделённую занавеской комнату, бабушкину еду, и его душа наполнится тихой печалью. То было время, когда он был окружён любовью и заботой, когда он купался в любви и счастья было так много, что его можно было не замечать... И не беда, что бедность, зато родители были молодые – и целое море любви...

Ах, если бы...

Хоть одним глазком...

Когда большая чугунная сковорода с запечённой в молоке треской ставилась на стол, отец любил, шутя, потянуть сына за уши, как бы делая вид, что не может оторвать его от еды. Все за столом смеялись и гладили Серёжу по голове. А ещё бабушка умела делать блины. Настоящие русские тонкие блины! Она напекала их много, как это было принято в крестьянских семьях в горячих хлебных степях, где росла

лучшая в стране Николаевская пшеница. На стол выставлялась смазанная топлёным маслом стопка горячих блинов высотой с арбуз, и семья садилась поедать их сначала со сметаной, потом с холодным молоком, а когда уже не лезло – с горячим чаем с вареньем...

Разве может быть что-то лучше и вкуснее бабушкиных блинов?..

Я вас умоляю...

Кровать, на которой спала бабушка, стояла справа от входной двери, напротив печки, и закрывалась занавеской. Единственное в комнате окно выходило в большой вытоптаный двор. В переднем углу комнаты слева стоял упирающийся в потолок фикус. Его широкие глянцевые листья как райское дерево свешивались над кроватью родителей. Справа у окна возвышался комод, а перед ним – кровать Серёжи. На комоде по центру стояла раскрашенная фигура Дед Мороза в синей шубе, а по бокам красовались две самодельные бутоньерки, сшитые из вложенных в целлулоид почтовых открыток. Было как-то в моде украшать комоды подобными самоделками, и отец целые вечера, как сапожник, вооружённый шилом и толстой ниткой, просиживал за своим рукоделием. Целлулоид добывался из рентгеновских снимков, которые мать приносила с работы. Под кроватью в картонном коробе хранилось Серёжино «богатство» – целая груда деревянных игрушек. Почти все они тоже были сделаны отцом из разных дощечек и обрезков фанеры: пистолетики, лодоч-

ки, пароходы, трактора, автомобили, и даже был танк с вращающейся башней и стволом из медной трубки. При помощи резинки и загнутого гвоздя, выполнявшего роль затвора, танк мог стрелять горохом. В коробе, помимо перечисленного, находились вращающиеся на ниточках акробаты, стучащие топориками дровосеки и медведи, разного рода вертушки и самолётики. Ежедневно с кем-то из своих друзей Серёжа вынимал из короба своё «добро», раскладывал его на полу, а наигравшись, складывал обратно в короб.

В ту осень, когда первый спутник Земли поднялся в космос и стал «бороздить просторы вселенной», а дед Барабан сбивал дымным хреном последних, сонных мух во дворе, семья Полюниных переехала в новый, сверкающий побелкой дом, который предприятие предоставило отцу Серёжи, работавшему в то время шофёром. Вскоре отца избрали председателем торфяного комитета предприятия, и шофёрская кепка в его гардеробе сменилась шляпой.

Дом был кирпичный, двухквартирный, с земельным участком и бревенчатым, поделённым пополам сараем. Вторую половину дома занимала семья главного механика предприятия. Каждая квартира состояла из трёх комнат, кухни, ванной, туалета, кладовой и веранды. Находился дом на другом конце Главной улицы, на самом краю посёлка. Метрах в двухстах от дома, за подстанцией, был вырыт искусственный водоём в форме стометрового бассейна, прозванный в народе Купалкой. Такое соседство в условиях болотного окруже-

ния можно было приравнять к жизни у моря. Тут тебе и купание, и рыбалка, и пускание парусных кораблей, и прочие удовольствия жизни.

Пожалуй, не было на посёлке более притягательного места для прогулок, чем эта Купалка. В летнюю пору в пятидесятые-шестидесятые годы она была весьма востребованным центром отдыха для трёхтысячного населения посёлка. Купалка была оборудована вышкой для прыжков в воду, двумя мостками с тумбами, раздевалками и скамейками. На мелководье резвились малыши под присмотром мамаш, цаплями стоявших по колено в воде. В жаркие летние дни свободных мест на берегах не было, а вокруг мостков творилось такое невообразимое барахтанье, фыркание и ныряние, что весь водоём вместе с берегами казался одним огромным, удачно заброшенным неводом.

На новоселье родители пригласили гостей, и тут вновь судьба свела Серёжу с Таней в ограниченном пространстве. На сей раз – в большой белой ванне. Малышам налили горячей воды и усадили вместе. Пятилетний Серёжа и четырёхлетняя Таня очень любили играть вдвоём и весь вечер с удовольствием барахтались в воде, не отвлекая взрослых. Это купание, как и сидение в засыпанном землёй сарае, долго ещё оставалось в семье любимой темой для пересказов и шуток. Через год семья Тани покинула посёлок и переехала в областной центр. С тех пор следы их затерялись.

Родители Серёжи, Нина и Валерий, родились и выросли в одном степном селе Черниговка, что белыми приземистыми мазанками прилепилось к левому берегу речки Камыш-лак на самой восточной окраине Саратовской области. Дальше на юго-восток начинались земли Уральского казачьего войска.

Село было не так чтобы очень старинным, но и не молодым. Возникло оно в середине девятнадцатого века, после Крымской кампании, когда первые переселенцы приехали и стали обживать пустующие земли. Это они перегораживали овраги, ручьи, возводили плотину на реке, откапывали лиманы и пруды, обводняя голую степь, населяя её птицей, животными и рыбой. Новое поселение получило название Горюны. С годами и с приездом новой волны переселенцев грустное название села сменилось более живым и ласковым – Черниговка.

Детство Валерия и Нины было перечёркнуто голодом тридцатых годов, юность совпала с войной, а молодость пришлась на годы разрухи и бедности. Но, несмотря на все беды и тяготы, годы юности всегда остаются самыми счастливыми и лучшими годами жизни...

Они сумели пережить испытания, они выжили и нашли свою любовь.

Род Назаровых, к которому относилась мать Серёжи, всегда пользовался в селе большим уважением. Глава рода – Михаил с женой Пелагеей приехали в Черниговку в конце девятнадцатого века из Пензенской губернии. Детей у Михаила с Пелагеей было десять человек: девять дочерей и один сын Андрей. Старшая дочь родилась в 1899 году, а последняя – в 1929-м. Поскольку при переделах земли учитывалось только то население в общине, которое могло её обрабатывать, то есть мужское, семейству Назаровых выходило лишь четыре десятины, прокормиться с которых не было никакой возможности. Михаилу, чтобы содержать семью, ничего другого не оставалось, как обзавестись небольшой торговлишкой. В мануфактурной лавке Назаровых всегда имелся ходовой аршинный товар: сукно, холстина, ситец, сатин, сарпинка от немецких колонистов и прочая материя. За товаром Михаил ездил, чаще всего, в Николаевск, иногда, примерно раз в год, отправлялся в многодневную поездку в Саратов. Моста через Волгу в Саратове о ту пору не было, и, чтобы попасть на правый берег, нужно было воспользоваться двуносным паромом с большими загребущими колёсами, именуемым пароходом поперечного плавания под названием «Первый». В зимнее время эту роль выполняли ледоколы поперечного плавания. Революция и Гражданская война народ озлобили, расслоили и дали возможность ленивым и неспособным поживиться плодами чужого труда. Заглохла торговля. Некоторое просветление, наступившее с приходом

нэпа, было недолгим.

Страшна, жестока и отвратительна человеческая зависть! .. Зависть – удел слабых, никчёмных и ничтожных людей, но именно они поднимаются на волне любой революции, они бегут первыми с красными бантами на груди и мстят за свою никчёмность всем, кто лучше и умнее их.

В тридцать первом году семью Назаровых, как и тысячи других трудолюбивых русских семей, раскулачили. Михаила и сына его Андрея посадили на телегу и увезли. Куда? Да кто ж его знает? Дом, как полагалось, местные власти отобрали, имущество растащили соседи, а Пелагее и оставшимся с ней пяти дочерям отвели под жильё старый саманный сарай, что стоял во дворе. На этом мучавшая односельчан-активистов зависть немного успокоилась.

Только через много лет стало известно, что Андрей, по совету отца и недосмотру охраны, по дороге в ссылку бежал, а сам отец через год умер, надорвавшись на строительстве канала «Москва – Волга». До самой войны Андрей скрывался в верблюжьих казахских степях, успел обзавестись семьёй, а когда началась война – ушёл на фронт. Воевал в Крыму, оказался в числе тысяч «оставленных» под Керчью солдат, несколько месяцев героически выживал в Аджимушкayских катакомбах, пока после газовой атаки в бессознательном состоянии не был взят в плен. Дальше его ждал ужас трёх концентрационных лагерей смерти, последним из которых был Бухенвальд. Трижды пытался бежать – его ловили, травили

собаками, ставили «под душ» в деревянный пенал, настолько тесный, что нельзя было согнуть колени, а сверху несколько суток лилась холодная вода...

Выжил русский солдат...

Но и после победы и освобождения из лагеря смерти беды для него не кончились. Полную свободу и доверие он должен был ещё заслужить. Пять лет наравне с пленными немцами Андрей трудился на развалинах Сталинграда. Когда же туберкулёз окончательно подорвал его здоровье, Андрею Назарову разрешили уехать... Он уехал в Чимкент, где десять лет назад оставил жену и дочь, которые все эти десять лет ничего не знали о нём...

Будущая Серёжина бабушка – Мария была второй по старшинству дочерью Михаила Назарова, она родилась в первый год нового, двадцатого века. Гражданская война прошла по Черниговке вдоль и поперёк в буквальном смысле. Всё лето и осень восемнадцатого года село находилось в центре активных действий Николаевской дивизии, возглавляемой Василием Чапаевым. В октябре, когда части Чапаева были окружены в соседней Покровке, в Черниговке хозяйничали белоказаки. Первым делом они расправились с коммунарами. Их отыскивали баграми в соломенных скирдах, под завалами кизяка, рубили шашками в густых зарослях куrowsника по берегам лимана.

Мария с сёстрами забрались на печку, выполняя наказ матери – не шевелиться и не высовываться. Во дворе толпи-

лась группа казаков, только что выбравшихся из чапыжника и отряхивающих свои шинели. Трое из них вошли в дом и попросили пить. Мать подала кринку с молоком. Тот, что был в серой бекеше и мерлушковой серебристой папахе с кокардой, взяв кринку двумя руками, стал жадно пить. Он торопился, и молоко стекало по усам, цепляло светлую оторочку бекеши и капало на пол. С висящей на темляке шашки по долу стекали капли свежей крови, смешиваясь на полу с молоком...

Бывший Саратовский цирюльник Хвесин, покинувший с «утренней зарёй революции» своё заведение на Никольской и занявший кабинет командующего 4-й армией, потирал от удовольствия тонкие, ловкие пальчики. Так ладно сидел на нём новый френч, сшитый приятелем из соседнего с цирюльной ателье, так шёл ему кожаный картуз, украшенный большой красной звездой, и умело постриженная борода с усами, что на улицах города ему отдавали честь даже дамы. Он и сам был не прочь козырнуть своему отражению в зеркале, так старательно подгоняемому под образ «пламенного борца» и своего благодетеля – товарища Троцкого.

Окружённым в Покровке Николаевским полкам, несмотря на ежедневные телеграммы Чапаева в штаб армии, реальная помощь не оказывалась, а когда красные, расстреляв последние патроны, героически вырвались из окружения, тов. Хвесин предложил отдать Чапаева под трибунал за «непослушание» ...

Весь ноябрь стояли в селе красные на отдыхе и пополнении. Тем временем их командир, Василий Иванович Чапаев, на станции Озинки сел в поезд и уехал через Николаевск в Москву – учиться в академии. Молодая Мария помогала матери шить красноармейцам одежду и популярные у кавалеристов косматые бараньи шапки.

С 21-го на 22-й год всё Поволжье охватил страшный голод. К засухе и неурожаю двадцатого года, отсутствию рабочих рук добавилась налетевшая с юга саранча и посланные с севера продотряды, которые умело изъяли у крестьян всё зерно, даже семенное. Оставшиеся в голой степи без всякой помощи и запасов еды, люди стали голодать, а с наступлением зимы – умирать от голода, распространилось людоедство. Сначала убивали тех, кто в поисках еды бродил по сёлам и просился на ночлег, – таких никто не искал. Потом стали пропадать родственники...

Голод в Поволжье пришёлся на последний год Гражданской войны. Когда в село стали возвращаться те, кто остался в живых, к Марии посватался недавно демобилизованный односельчанин Никита Кулешов. С ноября восемнадцатого он вместе со своим ровесником Василием Полюниным, что с хутора Рыбинского, добровольцем записался в 25-ю дивизию, входившую в состав четвёртой армии. В январе 1919 года цирюльника Хвесина, несмотря на его революционную красоту, сменил Фрунзе, и началось наступление...

Никита с Василием вместе воевали против белоказаков

на Уральском и Туркестанском фронтах, вместе ехали на запад и гнали панов-поляков и подпанков-длинножупанников, крепко рубились под Житомиром и Новоград-Волынским, и потом, в южных степях Новороссии, вылавливали остатки крестьянской армии Нестора Ивановича Махно.

Тогда же, в 22-м, Василий Полынин наведася в своё родное село Жеребец, что в сорока верстах к западу от Гуляй-Поля разбросало свои концы по зелёным склонам долины Конки. Семь лет не был он в родных краях – с тех пор, как дед Терентий в 1915 году вывез своё многочисленное семейство на новые земли за Волгу. Проведал Василий свою сестру Ганну, которая, выданная перед войной замуж за соседа Петра Воскобойникова, одна осталась в отцовском доме – дожидаться с войны мужа. А теперь её муж – в армии батьки Махно. Живой или нет – неведомо...

Только в двадцать третьем земляки вместе вернулись домой.

Дома ждала их безрадостная картина: разруха и запустение – Поволжье ещё не оправилось от голода. По настоянию Никиты, повидавшего много разного на войне, Мария согласилась попытать счастья на новом месте – на дивных, крутых берегах речки Горынь, что у самой Шепетовки дугой уходит на север и несёт свои чистые воды к Припяти. Ещё в двадцатом, когда эскадроны Первой конной отжимали поляков к Сарнам в Припятские болота, запал Никита глазом на белые хатки, что, нахлобучив камышовые крыши, так уютно

примостились под густыми дубравами, как белые гуси у блакитной реки, и заняло от сотворённой Богом красоты его сердце.

Собирались в дорогу недолго. Налегке молодые уехали...

В Шепетовке снимали комнату у хозяйки. Мария отыскала себе работу в мастерской портнихи, Никита устроился шорником в артель. И поначалу казалось им, что всё складывается хорошо... Но чем больше они присматривались к жизни в этом тихом городке, тем яснее им становилось, что они здесь чужие и никогда своими не станут. И как ни хороши были червонные закаты над речными обрывами, как ни сыпались ночами звёзды с чёрного, как земля, неба, не связывалась, не срасталась жизнь. И вышиванка, купленная Никитой на базаре, оказалась узка и не смогла вместить его широкую русскую душу...

Через год Мария с мужем вернулась в свою голую степь, под крышу родительского дома. Вскоре у них родился первенец – Николай, а через три года, в двадцать девятом, родилась дочь Нина.

Зимой, накануне раскулачивания, Никита простудился, заболел воспалением лёгких и умер, оставив Марию с двумя малыми детьми. А вскоре она вместе с матерью и младшими сёстрами оказалась в саманном сарае, лишившись дома, отца и брата.

Районная власть правила в селе новую жизнь, сгоняя в колхоз бесконтрольно разбросанные по степи, живущие сво-

бодно крестьянские хозяйства и отдельные хутора. По иронии судьбы семидесятая годовщина освобождения крестьян от крепостной зависимости обернулась для них новой зависимостью...

Потянулись с хуторов возы, гружённые пожитками. Вновь прибывшим колхозникам для жилья отводились дома, отобранные у кулаков. Семейству Полюниных, прибывшему с хутора Рыбинского, отдали дом раскулаченных Тельниковых, стоявший в самом конце села на берегу реки. И Назаровский дом вскоре обрёл новых хозяев.

Мать Пелагея вместе со старшими дочерьми: Машей, Варей и Шурой, не покладая рук, трудилась, приводя в порядок старый сарай. За лето соорудили печь и вывели через земляную крышу трубу, устроили нары, заготовили кизяка на всю зиму. Первую зиму кое-как пережили все вместе. Но, видно, так уж заведено в этой жизни, что за одной бедой непременно следует другая. В тридцать втором на Поволжье обрушился новый голод.

Поздней осенью, когда были переловлены все суслики в округе, выдран из лиманов весь чакан – высушен и перемолот в муку, занесло в село неожиданно-негаданную комиссию. Состояла эта странная комиссия из шести человек: двух штатских с белыми повязками на руках, трёх военных с кобурами на поясах и одного, вероятно, главного, одетого в длинный макинтош и кожаную фуражку, и с портфелем в руке. Комиссия объявила, что в районе обнаружен ящур, и

поэтому велела ликвидировать всех живущих в селе лошадей.

Виданное ли дело?.. Народ возмутился. Поднявшийся шум взбодрил военных членов комиссии, и они заняли свои места...

– Ах ты! .. Что же это?

– Вона... как...

– Да как же без лошадей-то?

– Тише!

– А пахать весной на чём? На себе плуги таскать? А?..

– Ить с голоду передохнем !..

– Есть указание, товарищи!

Гул на площади. Выкрики и поднятые кулаки из толпы.

– Тихо!!!

Уполномоченный задрал потёртый рыжий портфель и потряс им в воздухе, затем потянулся в карман, но вместо бумаги почему-то вынул револьвер, как доказательство имеющегося распоряжения...

Местная власть, как ни старалась делать изумлённые глаза и разводить широко руками, дескать, нет никакого ящущего, лошади здоровы и, как военнообязанные, все состоят на учёте – всё же, ввиду неоспоримости предъявленного аргумента, вынуждена была подчиниться. Тем более что в составе комиссии оказался и представитель от военного комиссариата с таким же неоспоримым аргументом на поясе.

Расправа была недолгой. Лошадей вывели из конюшни, «поставили к стенке» и расстреляли без суда и следствия.

Там же, рядом с конюшной, их и похоронили. Удовлетворённые успехом проделанной работы уполномоченные уехали, а ночью жители бросились раскапывать братскую лошадиную могилу. Рубили топорами и лопатами лошадиные трупы и тащили по домам, кто сколько мог унести.

Маленькой Нине шёл четвёртый год, и она, дождавшись, когда взрослые разошлись, одна спустилась в яму и долго искала среди перемешанных с грязью внутренностей то, что можно было бы взять с собой. Наконец ей на глаза попалась отрубленная топором передняя лодыжка с широким копытом. Девочка ухватила копыто обеими ручками, вытянула из грязи и стала выкарабкиваться наверх. С трудом ей это удалось. Нина принесла копыто домой и отдала матери. Лошадиную конечность опалили, отмыли, отскребли и потом долго варили в большом чугуне. Полученным отваром семья питалась несколько дней.

Через год Пелагея умерла, оставив сиротами своих дочерей, самой младшей из которых было всего четыре года. Забота о младших сёстрах легла на плечи Марии. Спасаясь от голода, две сестры, что постарше – Варя и Шура – уехали в Пензу к дальней родне. Там Шура вышла замуж. В село вернулась одна Варя, но и она вскоре стала женой красного командира – Василия Романюты. Как жене военного, ей выдали паспорт, что давало право на выезд из села. Перед самой войной Шура вместе с мужем по вербовке уехали на торфоразработки в Ивановскую область. Обосновались они

в посёлке Полуднево, к которому из райцентра Колокольска, где находилась электростанция, начали прокладывать узкоколейную железную дорогу.

В старом саманном сарае с младшими сёстрами и двумя своими детьми Мария осталась одна. Условия жизни в сарае были тяжёлые, да и новым хозяевам дома не нравилось соседство с «бывшими». Надо было как-то устраивать свой быт в новой колхозной действительности, и Мария решила строить свой дом. Место для строительства она выбрала на отшибе, на Свистунах, так называли окраину села за лиманом. Для начала нужно было заготовить саман. Для этого выкопали широкую неглубокую яму, которую периодически заполняли смесью чернозёма, старого конского навоза и соломы. Потом всё заливали водой и месили ногами. Полученную смесь выкладывали лопатами в деревянные формы и просушивали несколько дней на солнце. В результате получались большие, в три пуда весом, земляные блоки. Процесс повторяли до тех пор, пока не наготовили достаточное количество блоков, из которых потом и сложили сами своё новое жилище с тремя небольшими окошками, смотрящими в степь. К мазанке пристроили хозяйственные помещения для скота и домашней птицы.

Осенью сорок третьего по доносу односельчан Марию арестовали. Вина её заключалась в том, что собирала она в поле колоски пшеницы, оставшиеся после уборки зерна. Три года отбывала она наказание в Саратовской тюрьме, в той

самой, в которой одновременно с нею находился и умирал от голода и вшей академик Вавилов. В том году, когда посадили мать, Нина окончила семилетку и стала работать воспитательницей в детском саду. Старший брат Коля учился на тракториста. Через год Нина уехала в Саратов и поступила в медицинский техникум, располагавшийся в красивом здании на улице Чернышевского.

Оставшаяся без родителей, одна – она следующие три с половиной года выживала на крохотную стипендию. Не было сменного белья, нечего было надеть на себя, взятые из дома, скатанные руками её матери валенки давно потеряли свои подошвы, и ноги, чтобы не обморозить, приходилось обматывать тряпками...

И всё же она училась. Её упорный характер не позволил ей сдаться и отступить. Чёрный хлеб был не каждый день, от голода кружилась голова, но Нина старалась не пропускать занятий. В столовой техникума можно было бесплатно напиться горячего чаю и хотя бы на время затушить чувство голода. Случалось, что пленные немцы, заведя группку девочек, начинали улыбаться и, в знак внимания, протягивать кусочки хлеба от своего пайка. Как хотелось взять этот кусочек... но с руки немца... Нет! ..

В сорок шестом, отбыв срок, Мария вернулась в свой опустевший дом. Её сын Николай последние два года жил в опустевшей избе один. Одиночество и беды наложили отпечаток на его характер. Он был молчаливым, серьёзным, не по годам

повзрослевшим. Война вообще всех быстро делала взрослыми. В свободное время Николай любил рисовать. Рисовал на разных обрывках, какие попадались под руку. Истомившаяся по детям Мария не могла нарадоваться на своего сыночка. Летом на каникулы приехала и дочь Нина. Николай показывал сестре свои новые рисунки, познакомил со своей подругой – Марусей, на которой собирался осенью жениться.

После тюрьмы и как дочери раскулаченных, Марии трудно было найти работу в колхозе. Она сидела дома, иногда перебиваясь небольшими заказами, как когда-то в Гражданскую: шила одежду, вязала носки, катала валенки. Всему этому она научилась от своей матери Пелагеи.

В один из дней, сидя с утра у окна, Мария сучила пряжу. Перед ней на коротком шесте была подвязана куделя овечьей шерсти. Периодически отводя руку в сторону и фыркая веретеном, она пряла пряжу, скручивала шерсть в тугую нить. Давно уже с ночной смены должен был прийти сын, но что-то задерживался. В печи томился чугунок с кашей, приготовленной для него. За таким занятием застала её новая беда...

Отработав ночную смену на тракторе и передав его сменщику, Николай должен был отправиться домой, но домой не пошёл... Заснул на краю поля. Сменщик по непонятной причине не заметил Николая и наехал на него, вдавив железным колесом его голову в грунт. Только на втором круге он увидел, что наделал. Районный следователь долго разбирался в обстоятельствах смерти Николая, но так и не выяснил – слу-

чайность ли это или самоубийство. Чтобы не лишать колхоз второго тракториста, в заключении по факту происшествия следователь написал, что произошла случайность.

Тело Николая три дня пролежало в клубе – в колхозе не могли найти досок, чтобы сделать гроб. Всё это время мать не отходила от сына, ничего не ела, не пила, и слёзы уже пересохли в её глазах. Молодёжь села приходила проститься с Колей. Наконец в каком-то заброшенном доме отыскали уцелевшие доски пола, из них-то и сделали гроб. Когда стали засыпать могилу, мать в беспамятстве вдруг бросилась в яму и стала выбрасывать из неё землю руками, неистово крича. Её с трудом удалось остановить и поднять из могилы. После похорон сына Мария впала в оцепенение. Несколько дней она лежала с открытыми глазами, но никого не видела. С ней сидела приехавшая из Саратова дочь и сестра Варя. Со смертью сына предел прочности и человеческих сил, который был отмерен Марии Богом, подошёл к концу. После Гражданской войны, людоедского голода, ареста отца и брата, смерти мужа и матери, второго голода, трёх лет тюрьмы и смерти сына у неё не осталось внутренних сил. Она сделалась тихой, покорной и молчаливой.

В сорок восьмом, после окончания техникума, Нина была направлена фельдшером в свой район, в село Непряхино. Зная, что матери тяжело находиться в опустевшем доме, где всё напоминало о прошлом, Нина задумала поменять место жительства и уехать куда-нибудь далеко, где можно было бы

забыть все беды и несчастья, преследовавшие их последние двадцать лет. И она приняла решение. Предварительно списавшись с тётей Шурой, она сложила в узел пожитки, захватила швейную машину, оставшуюся от бабушки Пелагеи, и вместе с матерью навсегда покинула степь с её весенними тюльпанами, которые она так любила собирать в детстве, и уехала в иной, незнакомый ей край зелёных лесов и торфяных болот.

3

Валерий был на три года старше Нины. Несмотря на свой небольшой рост, он выделялся среди своих ровесников особо благородными чертами лица: прямым носом, красиво очерченным ртом, глубокими серо-голубыми глазами. Он нравился всем девчонкам в селе, но время было военное — не до забав. После ухода отца на войну он остался старшим мужиком в большой семье. Надо было помогать матери. Его отцу, Василию, было сорок пять, когда осенью сорок второго его призвали на фронт. В это время шли тяжёлые бои в Сталинграде. Василий попал в резервную дивизию, которая срочно формировалась в Вольске. В декабре дивизию перебросили под Ленинград на Волховский фронт, а в январе сорок третьего его жена Дарья получила похоронку, из которой узнала, что её муж Василий Терентьевич Полюнин был убит в бою 30 декабря 1942 года.

Окончив перед войной семилетку, Валерка работал в колхозной конюшне. К лошадям он тянулся с детства, с замиранием сердца слушал рассказы отца о Гражданской войне, о Чапаеве, о рейдах Первой конной армии. Дед Терентий, служивший ещё при царе в драгунах, тоже немало интересных историй поведал внуку о службе в кавалерии.

Летом Валерка гонял табун в ночное. Он любил сидеть у костра и слушать тишину степи и потрескивание прутьев куровника в огне. Однажды ему пришлось спастись от стаи волков, расплотившихся в степи во время войны. Любимый конь Орлик унёс его от голодной серой стаи, но одну, самую слабую лошадёнку волкам удалось отбить от табуна и загнать в ложину. Там потом и обнаружило колхозное начальство её останки.

В ноябре сорок третьего пришёл черёд и сыновьям, вслед за отцами, отправляться на войну. Их было девятнадцать, семнадцатилетних мальчишек 1926-го – последнего военно-призывного года рождения. Девятнадцать худых, разучившихся улыбаться, плохо одетых и обутых одноклассников, с лёгкими, наспех сшитыми котомками за спиной и растерянностью в глазах собрались у колхозной конторы. Сняв шапку, сказал им председатель напутственную речь. Не было в селе оркестра и не было марша «Славянка», только громкий плач матерей, больше похожий на волчье завывание, огласил холодную синеющую степь. Маленький отряд в сопровождении лейтенанта ушёл в ночь пешим ходом в рай-

онный центр Озинки, куда явился к обеду следующего дня, пройдя за ночь и утро шестьдесят километров. А ещё через два дня Валерка оказался в городе Пугачёве, в снайперской школе номер пять, где ему предстояло пройти специальную подготовку. Плохое питание, ночные тревоги, стрельбы днём и ночью, холод – всё это стало повседневной жизнью. От пороховых газов и голода часто тошнило. В феврале снайперскую школу перебросили в Вольск.

На окраине города, в голой степи, орудуя ломами и кирками, вгрызались ребята в мёрзлую землю, строили себе землянки. В этом «Копайгороде», в сырых землянках прожили полугодовалые курсанты ещё три месяца, пока не закончилось их обучение. Перед выпуском они сменили свои затёртые бушлаты на новые шинели, пришили погоны и все сфотографировались, чтобы отослать матерям свои фотографии. За неделю до отправки на фронт рацион питания в школе резко изменился. Изголодавшихся ребят откармливали, придавая им мало-мальски боевой вид. В начале мая маршевую роту подготовленных снайперов погрузили в эшелон и отправили в Крым. Готовилось освобождение Севастополя. В первом своём бою во время штурма Сапун-горы Валерка был легко ранен в ногу.

После освобождения Крыма 32-ю Таманскую дивизию перебросили в Белоруссию, где полным ходом уже шла подготовка к операции «Багратион». Так во втором батальоне 85-го стрелкового полка, входившего в состав Таманской ди-

визии, воевал до самого окончания войны снайпер, а затем пулемётчик Валерий Полыннин. Победу он встретил под Кёнигсбергом на берегу Балтийского моря.

Он впервые увидел море, и был поражён его видом, и вспомнил родную степь с таким же далёким горизонтом и вольным простором. Вместе со всеми одуревшими от счастья солдатами он палил из автомата в майское небо, из которого обратно на землю сыпался медный дождь, со звоном отлетающий от стальных касок. Впервые за всю войну этих пуль никто не боялся. Не верилось, что ещё месяц назад, в свой день рождения, он штурмовал этот чёртов город, а потом, 15-го апреля, под Золингеном, в момент наступления, презирая опасность, первым поднялся в атаку, увлекая за собой бойцов, и, ворвавшись в траншею противника, уничтожил трёх немецких солдат. Во время боя был ранен в руку. Рана оказалась тяжёлой, и в госпитале руку хотели ампутировать. Соседи по палате, старички, уговорили «молодого» не давать согласия на ампутацию, и он не дал. «Ну, тогда терпи, солдат», – сказал хирург, и Валерка терпел. Через две недели с перевязанной рукой он вернулся в часть.

После войны полк передислоцировался в Тверь, в то время Калинин, откуда Валерку во второй раз призывали на службу, на сей раз – во флот. Полтора года войны в зачёт не пошли – просто не хватало людей. Ещё пять лет служил он на Северном флоте, ходил в дальний поход в составе конвоя к берегам Америки, сопровождая возвращение уцелевшей

техники бывшим союзникам.

Годы войны и службы на флоте стали для молодого мальчишки из глухого степного села самым ярким впечатлением в его жизни. Всё, что было потом, не отпечатывалось в его сознании, а пролетало бесследно, не задерживаясь в памяти, не оставляя следов и устойчивых образов.

Таковыми были детские и молодые годы родителей Серёжи.

4

Их семейная жизнь началась в марте пятидесятого года, когда Валера, отслужив положенный на флоте срок, демобилизовался и приехал в Полуднево, где Нина, с которой он состоял в более чем годовой переписке, работала фельдшером в поселковой больнице.

Судьба их решилась в конце лета сорок восьмого года, когда Валерий получил свой долгожданный отпуск и приехал в Черниговку к матери, с которой не виделся с того самого серого ноябрьского дня, когда девятнадцать кое как собранных в дорогу мальчишек прощались со своими матерями у колхозной конторы. Из тех девятнадцати, ушедших в сорок третьем, в село вернулись двое.

Десять суток пролетели как один день. Таких счастливых дней у Валеры не было больше никогда в жизни. Своей чёрной морской формой он свёл с ума всех истосковавшихся в селе девчонок. Мать плакала от счастья и горя одновременно.

но. От счастья, что её сын вернулся живой, и от горя, что не вернулся муж и не разделил её материнское счастье, что очень много мужчин, ушедших на войну из села, так и остались на ней навсегда. Все матери в селе, чьи дети не вернулись с войны, завидовали Дарье Макаровне, а она не могла налюбоваться своим сынком. Он ходил по селу в своей прилаженной, ушитой по морской моде форме, приводя в смятение женские сердца. Шесть звонких медалей на груди говорили о его боевых заслугах. Быстро, как один день, пролетели дорогие деньки отпуска, и настала пора возвращаться на службу.

На пыльной, продуваемой степным ветром станции Озинки – на той самой, где тридцать лет назад Василий Чапаев, уезжая в Москву на учёбу, прощался со своей дивизией, – в ожидании проходящего поезда Валерий встретил своих односельчан – семью погибшего на войне политрука Василия Романюты. Варвара Михайловна и две её дочурки, девятилетняя Люся и шестилетняя Валя, сидели на чемоданах и вторые сутки не могли взять билеты на проходящие на Москву поезда. Валерий помог им выправить билеты, и через сутки они вместе прибыли в столицу.

Варвара Михайловна ехала к сестрам – Марии и Шуре – в Ивановскую область. Багажа у неё набралось много, и она уговорила Валерия проводить её с дочками до пункта назначения. В Москве, в комендатуре Ярославского вокзала Валерий выхлопотал себе дополнительные три дня к отпуску,

и на следующий день, сменив три поезда, сошёл вместе со своими попутчицами на станции Полуднево.

Вот так и бывает в жизни... Случайная встреча на станции, три дня дополнительного отпуска, стечение обстоятельств, молодость – и судьба делает крутой разворот...

В Полудневе, куда Валерий доставил Варвару Михайловну с её дочурками, он встретил Нину. Он помнил её брата Николая, с которым учился когда-то в одном классе, а её почти не помнил. Но даже если бы и помнил, то вряд ли узнал бы теперь. От худой, измождённой, босоногой девчушки не осталось и следа. Перед ним стояла молодая, красивая девятнадцатилетняя девушка с приветливым красивым лицом, карими умными глазами и пышными каштановыми волосами, убранными в модную послевоенную причёску. Сердце старшего матроса дрогнуло...

Правда, к тому времени Нина уже два года переписывалась со своим женихом Андреем, который тоже был родом из Черниговки и дослуживал свою службу матросом Дунайской флотилии. Она ждала его со дня на день. Они собирались пожениться. Как удалось Валерию за два дня заставить Нину изменить свои чувства и планы? Никто теперь сказать не может. Молодость ли, неотразимая красота морской формы или лестные отзывы тётки Вари сыграли свою роль? Это навсегда осталось тайной.

Как бы там ни было, а на третий день Валерий с Ниной отправились в районный центр Колокольск и в срочном по-

рядке расписались. На обратном пути, по дороге на станцию, они почти столкнулись с Нининым женихом Андреем, только что прибывшим с Ивановским поездом. Андрей опоздал всего лишь на час...

Завидев Нину, идущую под руку с Валерием, Андрей всё понял и, не говоря ни слова, развернулся и зашагал в обратную сторону. Так случай связал родителей Серёжи на всю оставшуюся жизнь.

Через день Валера уехал на север, где его ждал родной эсминец «Жаркий» и длинная полярная ночь. Они много писали друг другу, Валерий – о службе, о море, о своём желании поскорее её увидеть. Она писала ему о своей работе, о своих мечтах, о книгах. Он посылал ей стихи, написанные им самим и его друзьями, посылал тексты морских песен. Она рассказывала ему о фильмах, которые по субботам крутили в клубе, и ещё о чём-то, что было важно для них обоих.

«11.11.49 г.

Северный флот.

Миленькая моя Ниночка!!! Здравствуй!!!

Прими привет и наилучшие пожелания в твоём настоящем. Ниночка! Настал час свободного времени, и я решил послать тебе весточку, моя родная, чтобы ты, хотя бы на этот период, как будешь читать, сбросила с себя маску печали, потому, что моё сердце чувствует, что ты скучаешь. Но это же происходит и у меня. И вот всё это заставило меня напи-

сать тебе. Но сегодня, к моему удивлению, почему-то нет от тебя весточки, милая моя ласточка. А у меня ведь, уже выработался рефлекс, что через день я должен получать письмо, как это было до сегодняшнего дня. Ну, ничего, я понимаю, Нина, и для тебя иногда бывает время очень занятое и дорогое.

Ниночка! Не прошло и месяца, как мы с тобой расстались, а я уже так по тебе соскучился, что мне кажется, мы не виделись год. Мне хочется сейчас обнять и поцеловать тебя крепко, крепко, как ещё не целовал. Но не возможно сейчас это, ибо нас разделяют тысячи километров. Где ты сейчас, моя ласточка, голубка моя сизокрылая. Как мне хочется быть с тобой вместе. Сейчас сижу в кубрике за столиком и вспоминаю то, что было мило и хорошо тогда, когда мы были вместе. Вспоминаю Иваново, вокзал и самое тяжёлое воспоминание, это то, когда мы стояли последние минуты у поезда. Мне было тяжело, было невыносимо больно и обидно. Мне тогда казалось, что я еду на новые муки и грёзы. Нас свела и разлучила роковая судьба, которая одна вправе приносить людям свои мучения. Нет, я не хочу больше об этом говорить, мне от этого только хуже. Лучше, Ниночка, напишу песенку тебе. А сейчас пока кончаю. Поцелуй маму. Привет тёте Варе и её деткам. Погода стоит морозная, дуют сильные ветра. В общем, начали ещё серьёзней огребать полундры. Ну, всё.

Крепко целую тебя, твой Валерий. Будь счастлива.

Вечер

Море тихо шумит, и окутала тень побережье.
На заставу порой, птичкой крик долетит с островов.
Белый сказочный вечер как сон набежит безмятежный, —
Никогда и нигде я не видел таких вечеров.

От тревог боевых в сердце гордая песня осталась.
След недавней борьбы молчаливо хранят валуны.
Нарастает прибой и сверкает, взлетая на скалы
Бюрюзовое тело большой и упругой волны.

Ненаглядно широкое, синее, синее море
Блещет радужной зыбью. Спокойна его глубина.
Здесь под флагом родным корабли присмирели в дозоре,
Охраняя твой отдых, моя дорогая страна.

Ну вот, наверное, хватит, на сей раз, моя ласточка. Ещё и
ещё раз целую тебя, моя родная Ниночка.

Твой Валерий.

Пиши, жду всегда!»

Больше года продолжалась их переписка, а потом была встреча и первая совместная поездка в Черниговку, где Валерий представил матери свою жену.

В первые годы жизни в Полудневе Нина с матерью снимали комнату в частном доме, стоявшем на вершине пологого холма неподалёку от старой деревянной больницы. Хозяева дома были люди добрые, но всё же это был чужой дом. С появлением третьего человека в маленькой комнате стало тесновато. Валерий устроился работать на узкоколейную железную дорогу водителем дрезины. Мария Михайловна, как и прежде, зарабатывала на жизнь своей старой швейной машиной Singer, доставшейся ей от матери; те небольшие средства, что удавалось ей заработать, она вносила в семейный бюджет, чтобы не быть нахлебницей. Сестра Варвара работала в школе техничкой. Там же, в школе, на первом этаже ей была выделена комната, где она и жила со своими дочками.

С жильём надо было что-то решать. Нина и Валерий занялись поисками, писали письма родным. Таким образом, летом пятьдесят первого семья Полыниных оказалась в южном городе Изюме, где двоюродный брат Марии Михайловны, Пётр Степанович Гордеев, работал начальником железнодорожного вокзала. Эту должность он занимал и во время войны, когда город был занят немцами. Пётр Степанович был связан с подпольем и передавал партизанам важные сведения о передвижении военных эшелонов. За свою «работу» впоследствии он был награждён орденом Ленина.

Петру Степановичу удалось отыскать для родственников в районе Замостья заброшенный и пустовавший с войны дом с небольшим садиком, помог он и обустроиться на новом месте. Нина пошла работать в железнодорожную больницу, что находилась недалеко от вокзала, Мария Михайловна занималась домашним хозяйством, а Валерия дядя Петя устроил учеником младшего стрелочника на станцию Цыганская. Станция находилась в тринадцати верстах от города, и до неё местный пассажирский поезд, по пути на Харьков, делал три остановки: в Пименовке, Комаровке и Фёдоровке. Каждый день Валерий приезжал на свой участок на лёгкой дрезине объездчиков, на ней же и возвращался обратно. Через месяц Валерий был уже младшим стрелочником, а через полгода – произведён в старшие...

В начале апреля 1952 года, как только сошёл снег, у Нины с Валерием родился сын, отец назвал его Серёжей. В Свято-Вознесенском кафедральном соборе первенца окрестили. Красивый алюминиевый крестик купила внуку бабушка.

Уютен и патриархален был городок Изюм, и по большей части был он одноэтажный. Там, где Донецкий кряж своим крайним отрогом пронзает зелёную долину и Северский Донец огибает его петлёй, напоминающей собачий хвост, в середине семнадцатого века в центре упомянутого хвоста была заложена крепость. Река в районе кряжа мелководна, удобна для переправы. Потому в этом месте с давних времён и проходил знаменитый Изюмский шлях, по которому крымские

татары совершали свои набеги на Русь. Каменистый кряж по-татарски – Узюн-курган, дал название шляху, а крепость на горе получила название Изюмский городок. Со временем и нижний город стал называться Изюмом.

Осуществлявший строительство крепости полковник Изюмского казачьего полка Григорий Захаржевский на собственные средства заложил в 1684 году пятиглавый Спасо-Преображенский собор, простоявший три столетия и разрушенный во время последней войны. В собор этот после Полтавы заезжал царь Пётр, а в сентябре 1825 года, по пути в Таганрог, Александр I сделал остановку в Изюме и две недели приходил в Преображенский собор на молитву. Восстановили взорванный собор только в 1955 году.

Ещё осенью, копая во дворе яму для нового нужника, Валерий наткнулся на засыпанный с войны окоп. Чёрная, перемешанная с песком земля была нашпигована патронами и обрывками пулемётных лент. Валерий руками стал просеивать землю и насобирав за час целое ведро патронов, а вдобавок вытащил из земли саблю, неизвестно каким образом в этом окопе оказавшуюся. Следы войны в городе были видны повсюду. По рассказам дяди Пети, после боёв в реке на мелководье скопилось столько трупов, что по ним, как по мосту, можно было переходить реку. А на зелёных берегах Северского Донца ещё в изобилии ржавели сгоревшие немецкие танки.

Был месяц май, в садах цвели черешни и абрикосы. Между станциями Фёдоровка и Цыганская, где работал Валерий, сошёл с рельсов товарный состав. Виноват был машинист, превысивший скорость на дуговом участке дороги, но зачем тогда нужен стрелочник, если на него нельзя списать чью-то вину? Время было непростое, страна готовила костры «инквизиции» для врачей-вредителей, а что могла стоить жизнь какого-то стрелочника?

Дядя Петя, как человек многоопытный и быстро уловивший дуновение ветра, посоветовал Валерию, не раздумывая, забирать семью и поскорее уезжать «от греха подальше». Выбора не было...

Собрав вещи, уложив сына в оцинкованное корыто, оставив дом и саблю, припрятанную на чердаке, Валерий усадил семью в поезд и повёз обратно – в глухомань болот, на песчаный остров, откуда ещё год назад уезжал с надеждой, что навсегда. Нина вернулась на старую работу в больницу, и руководство, обрадованное её возвращением и тем фактом, что семья в пути подросла, выделило ей комнату в деревянном двухэтажном бараке. Это был неожиданный подарок судьбы. Вновь семья стала обживать: купили две новые кровати, заказали в столярной мастерской комод, стол, табуретки, даже подставки для цветов. В этой комнате, разделённой ситцевой занавеской, семье предстояло прожить следующие пять лет.

Узкоколейная железная дорога, соединявшая районный центр Колокольск с рабочими посёлками добытчиков торфа, протянулась на двадцать пять километров. От огромной тепловой электростанции, построенной в годы первых пятилеток, до конечного пункта – посёлка Подозёрского было пять промежуточных станций: Ухтохма, Островок, Тружный, Лесной и Полуднево. Посёлок Полуднево был самым большим и благоустроенным среди остальных. Раскинулся он на пологом песчаном холме, окружённом со всех сторон торфяными болотами.

Когда-то на этом холме, среди высоких сосен и берёз, стояла деревенька Полуднево, и жил в ней лесной, припадавший на «о» народец. Промышлял он охотой, грибами да сбором клюквы и брусники. В зимние базарные дни в расположенное в восемнадцати верстах торговое село Писцово привозили полудневцы на продажу шипучий морс из брусники, связки сушёных грибов, солёные в кадушках грузди и рыжики и пунцово-красную замороженную клюкву. Когда в конце двадцатых годов началось строительство посёлка, к нему в приданое отошло и название деревеньки.

Через весь посёлок с востока на запад вытянулась Главная улица. Она начиналась от слияния трёх дорог в районе подстанции и шла, начиная от общественной бани, через

весь посёлок: мимо школы, клуба, детского сада – до Большого двора, образованного двумя двухэтажными бревенчатыми домами, в одном из которых ранее проживала Серёжина семья. У Большого двора дорога поворачивала направо и через версту упиралась в узкий, сырой перешеек, на котором сходились пять дорог. Когда-то в этом месте была протока, полностью отделявшая остров от большой земли. Протоку периодически засыпали, и возникала непролазная грязь, которую могли преодолеть только гусеничные трактора. И только когда проложили дренажные трубы, обеспечив водё свободный проход из одного болота в другое, перешеек стал доступен для транспорта.

Посёлок рос, и стоявшая за перешейком деревенька Меленки слилась с ним и стала называться районом Меленки. Дальше простиралось поле и Семёновский лес, а за лесом на высоком голом холме, с которого открывался красивый вид на среднерусскую равнину, стояло вымирающее село Семёно-Сарское с разорённой и заброшенной церковью восемнадцатого века. У Семёно-Сарского болота заканчивались, и дальше была другая жизнь.

От Меленок и перешейка в сторону посёлка штанинами расходились две улицы, застроенные частными домами. Правая штанина вела к Большому двору, а левая тянулась вверх по холму, мимо футбольного поля, на самую вершину, где на зелёном лугу слева от дороги утопало в тени рябин и сирени деревянное здание больницы. За ним возвышалась

белая водонапорная башня. От больницы улица спускалась вниз и состояла из четырёх домов: роддома, детских яслей и двух жилых домов, последним из которых был дом, в котором жила семья Серёжи. Со временем улица приросла ещё одним частным домом. Между домами образовался маленький дворик, в который выходили калитки. На этой нейтральной территории встречались взрослые и любили играть дети.

Прямо от больницы, под прямым углом к дороге, спускалась широкая полоса зелени, задуманная как бульвар, но так и не ставшая оным. Эта длинная, вытянутая роща, заросшая клёнами и липами, была пересечена «козыми» тропами, и только с одной стороны её робко прижимался к забору тротуар, собравший на себя здания поссовета, библиотеки и торфкома. «Бульвар» пересекал Главную улицу, подхватывал слева всегда сырой и грязный сквер и вливался дворовым пространством в группу почерневших двухэтажных деревянных домов. На этом миссия «бульвара» заканчивалась, дальше следовала торговая лужайка, окружённая конторой, двумя магазинами и розовым зданием рабочей столовой. Лужайка замыкалась цветочным сквером, обсаженным по краям кустарником. По этому скверу в обеденный перерыв спешили в столовую конторские служащие.

Столовая на посёлке была особым центром притяжения.

Вытянутый вдоль улицы корпус столовой утопал в зелени окружающего палисадника. Длинный, в шесть метров высотой, обеденный зал украшали высокие окна, занавешенные

белым драпированным шёлком. Зал, как церковный алтарь, заканчивался эркером, который, на случай каких-либо мероприятий, мог отделяться раздвижным занавесом. Два ряда белоснежных столов, окружённых стульями, заполняли пространство вдоль окон. На всех столах в широких вазах под накрахмаленными салфетками лежал нарезанный белый и чёрный хлеб. Хлеб был бесплатный. Даже в пасмурный день в зале царил праздник. Справа от входа торцевую стену зала украшал буфет, где на витрине красовались с одной стороны – всевозможные лёгкие закуски: солёные огурчики и грузди, селёдка с луком и отварным картофелем, заливная треска, копчёная мойва и даже золотистые шпроты, аккуратно уложенные на стандартные ломтики чёрного хлеба. Другая витрина была заполнена сладостями и свежей выпечкой. Выпросив у родителей мелочь, детвора бежала в столовую и покупала себе кусочек детского счастья, который переливался солнечными лучиками в янтарном петушке на палочке. Вечерами в буфете продавали в розлив спиртное, но только исключительно под закуску! Таким образом в сознание рабочего населения ненавязчиво внедрялась культура выпивки.

За сквером простиралась зелёная луговина размером с футбольное поле – главная площадь посёлка. На ней устраивались все массовые мероприятия во время праздников, а зимой заливался лёд. В пятидесятые годы на противоположном конце луговины, у самой дороги, отгороженные невысоким штакетником, стояли соседями два любимых и вос-

требуемых народом сооружения: крытый деревянный базар и неказистая приземистая пивная – центры торговли и отдыха трудящихся. Обшитая дощечками в ёлочку и выкрашенная для убедительности в синий цвет, пивная оказывала необыкновенное магнетическое воздействие на всех, кто оказывался в зоне её притяжения. На прямоугольном фронтоне над входом гордо красовалась единственная в посёлке вывеска: «Голубой Дунай». Правда, из этого трофейного названия прижилось только слово «Дунай», ставшее со временем нарицательным.

К Дунаю, как к Риму, вели все дороги и тропки посёлка. Если пропадал вышедший «на минутку» за спичками муж или долго не приходил с работы «кормилец», любая жена знала, где его искать. В тёмном, заплёванном и смрадном от махорочного и папиросного дыма чреве Дуная всегда гудел пчелиный рой раскрепощённых и свободных голосов.

– Эй, Пармёныч, ты как там? – заглядывая периодически под стойку, спрашивали работяги, обступившие высокий круглый стол, заставленный кружками с пивом и шелухой от воблы.

– Нормально, – слышался из-под стола хриловатый мужской голос.

– Ну, тогда за твоё здоровье!

Над кромкой стола поднималась рука с кружкой, с которой все дружно и весело чокались. Вторая рука обшаривала край стола в поисках воблы.

– Ну, где там у вас?..

– Вот, держи, уже почистили...

Электрик Ипполит Пармёнович, или просто Полт Пармёныч, как звали его все на посёлке, имел детский рост и в Дунае пользовался особым уважением. Ввиду своего малого роста, в пивной, где стояли высокие столы, он невольно отсекался от общей толпы посетителей и пил, стоя под столом в компании с местным «бобиком», забежавшим иногда на огонёк. Поскольку весу в нём, то есть в Пармёныче, было не больше, чем в ребёнке, он часто перебирал лишнего и падал там, где стоял. Забирать его приходила жена. Она вытаскивала мужа из-под стола, перехватывала его поперёк и, как свёрнутый коврик, под мышкой уносила домой.

Деньги есть – Полит Пармёныч,

Денег нет – Пармёшкин сын!..

Слышался из-под руки жены удаляющийся голос Пармёныча...

Пространство между луговиной и Главной улицей занимал большой парк с пятью цветочными клумбами, прогулочными аллеями и, как и положено парку, большим памятником вождю. У парка имелся свой хозяин и садовник по фамилии Ивочкин, и пока он ухаживал за парком, последний находился в идеальном состоянии. Центральная аллея пар-

ка упиралась в клуб, за которым через дорогу стояла школа. Клуб был большой деревянный. Когда-то он был выкрашен в голубой цвет, но на дереве, как известно, краска не держится, и клуб, со временем, стал походить на старого сизого голубя. На Главную улицу клуб выходил тыльной стороной. Эта градостроительная странность объяснялась просто: фасад клуба должен был смотреть на вождя, протянутая рука которого угадывалась сквозь заросли деревьев.

Общественная жизнь в клубе буквально кипела, культурная деятельность правилась по всем направлениям. По средам, субботам и воскресеньям, когда привозили новое кино, в кассу выстраивались длинные очереди, по праздникам давались концерты самодеятельности и зал на четыреста мест всегда был полон. Постоянно репетировали и давали концерты духовой и струнный оркестры. В фойе по субботам и воскресеньям устраивались танцы, летом они проводились на открытой площадке. Музыка была слышна на весь посёлок, и молодёжь, как бабочки на свет, слеталась на танцплощадку. Работали кружковые комнаты и пункты проката спортивного инвентаря, где кроме лыж, коньков, мячей и санок можно было взять набор для игры в крокет, городки, лапту, кегли и настольный теннис. Была радиорубка, киноаппаратная и таинственная комната художника, пропахшая красками, папиросным дымом и розовым портвейном.

Единственными зданиями на посёлке, выкрашенными в белый цвет, пока не была построена новая больница, бы-

ли школа и детский сад. От бани до детского сада, вдоль всей Главной улицы летел стрелой кирпичный тротуар. Пока не было тротуара, в осенний и весенний период улица была недоступна для пешего передвижения. Долгие годы грязь была проклятием посёлка, а резиновые сапоги – самой модной обувкой. Тротуар быстро стал любим, и вечерами на нём было не протолкнуться. В шутку и с любовью его называли Невским проспектом.

Полудневская школа давала среднее образование, и потому, начиная с пятого класса, в неё приезжали дети из соседних посёлков, Лесного и Тружного, где имелись только начальные классы.

Для детворы, особенно для мальчишек, посёлок был неиссякаемым кладезем всяких интересных вещей, которые только можно было себе представить. Рядом с железной дорогой, недалеко от станции располагалась территория лесного склада с пилорамой и столярным цехом. Уже один только запах свежего дерева кружил голову всякому, кто приближался к цеху. Дети частенько наведывались в столярку за дощечками, рейками, планками и другими деревянными обрезками, из которых потом дома мастерили себе игрушки. На другом конце посёлка находились механические мастерские, металлообрабатывающие цеха, кузница, ремонтные мастерские и гаражи. Но самым привлекательным для пионеров был электроцех, где собирались рубильники. В его большом металлическом коробе для отходов было всё, чего

нельзя было купить даже в Москве.

Целыми коробками сюда сбрасывались всевозможные винтики и гаечки, шайбы и болтики, штамповки из листовой стали, полоски меди, клеммы и, самое главное, – мотки медной проволоки, из которой весь посёлок плёл верши для ловли карасей на карьерах. Помимо поиска в коробах для производственных отходов, был у поселковой детворы ещё один, более опасный, но не менее заманчивый промысел – добыча медных трубок.

Бог знает, каким ветром заносит порою в удалённый от мира населённый пункт какое-нибудь очередное неожиданное и повальное увлечение молодёжи. Было время, когда все мальчишки катали по дорогам металлические диски, погоняя их своеобразной проволочной кочергой. Диски эти добывались в ремонтном цеху дорожной техники. Когда пришла мода на самокаты, самым желанным предметом стали подшипники, которые тоже не с неба падали. Всеобщее увлечение ходулями принесло механическим цехам некоторую передышку от набегов «диких варваров». После просмотра фильма про мушкетёров все пионеры посёлка быстро вооружились деревянными шпагами и начались бесконечные стычки и сражения по типу «двор на двор», «улица на улицу», а также практиковались и отдельные поединки.

Спрос на медные трубки возник неожиданно, когда всем стало ясно, что пора переходить от луков и рогаток к огнестрельному оружию. В те годы не было проблемы купить в

магазине порох и дробь. Оставалось, всего лишь, изготовить оружие. А поскольку ничего подходящего для изготовления стволов в промтоварном магазине у тёти Тони не продавалось, то в ход пошли маслопроводы и бензопроводы тракторов и торфоуборочной техники. На добычу медных трубок выходили в сумерках, чаще в плохую погоду, когда сторожа сидели в своих теплушках и пили чай. Во время «работы» старались не шуметь, отпиливали, откусывали, отламывали нужный материал и быстро уходили. В короткое время самопалами вооружились все подростки на посёлке. И началась пальба. Хозяйки срочно стали убирать развешенные на заборах мишени – тазы и вёдра, а горластые вороны, быстро уловив ситуацию, предпочитали держаться на безопасном расстоянии – на вершинах деревьев.

Были увлечения и сезонного характера. В начале мая, когда на берёзах распускалась листва, наступала короткая пора охоты на «шаранок» – так называли на посёлке майских жуков. В те годы их было много, и ловля доставляла огромное удовольствие всем, и даже взрослым. Нужно было только срубить молодую берёзку и, затаившись, ждать, пока на фоне вечернего неба не появится увесистый симпатичный жук. Затем его надо было догнать, сбить запасённой берёзкой, отыскать в траве и убрать в спичечный коробок, чтобы на следующий день принести в школу. Когда на окраинах за сараями подрастал дудочник, наступало время индейской забавы. Каждый вырезал себе зелёную трубочку и стрелял из

неё горохом.

Случалось, в посёлок приезжал старьёвщик, скупавший всякое барахло. У него можно было за пару-тройку старых фуфаяк раздобыть настоящий китайский фонарик – гордость любого мальчишки. В тёмные, безлунные вечера на посёлке устраивались соревнования на дальность и тонкость светового луча. Вскоре русская смекалка смогла довести до ума это китайское приспособление для света. На фонарик сзади натягивался кусок резиновой велосипедной камеры, в которую вставлялись дополнительные батарейки. Демонстрация такого чудо-фонарика прошла поздним вечером на станции при большом количестве зрителей. Тонкий луч ручного прожектора с первой попытки достал до соседнего посёлка Лесного, удалённого на три километра. Правда, лампочка горела недолго.

В такую – интересную и насыщенную – жизнь детворы рабочего посёлка постепенно вращался, становясь её частью, маленький Серёжа.

7

До посёлка Лесного от Полуднева было полчаса пешего хода. Гравийная тропа, что тянулась вдоль железной дороги, была востребована и летом, и зимой. По ней ходили рабочие и школьники, по ней гуляла молодёжь, домохозяйки несли продукты из магазина, доставляли молоко на базар частни-

ки, ею пользовались грибники, рыбаки и ягодники.

Четыре раза в день на станцию Полуднево прибывал пассажирский поезд, следующий от конечной станции – посёлка Подозёрского – в районный центр Колокольск. Четыре зелёных вагончика, вмещавшие по сорок пассажиров, и пятый – почтовый, тянулись за маленьким чёрным паровозиком чехословацкого производства. Кроме пассажирского поезда по узкоколейке ежедневно двигались длинные товарные составы по шестьдесят вагонов, загруженные торфом, который везли в Колокольск в прожорливые пасти топок электростанции. Для перевозки рабочих и школьников из Лесного и Тружного использовался мотовоз с одним вагоном – теплушкой. Для экстренных случаев в подвижном составе дороги имелись пассажирские дрезины. До семидесятых годов железная дорога была самым надёжным средством сообщения рабочих посёлков с районным центром.

Автомобильная дорога, конечно, имелась, но была грунтовой и весной и осенью становилась совершенно непроходимой. Застрявшие в грязи машины водители бросали и пробирались по торфяной жиже в ближайший посёлок за трактором. В такую пору вся надежда была на дрезины. На них подвозились в магазины продукты и товары первой необходимости, они исполняли роль «скорой помощи» и такси. Для районного начальства существовал персональный легковой транспорт – «Волги» и «Москвичи», поставленные умельцами на железный ход.

Разумеется, и железная дорога не осталась без внимания местной детворы. Все мальчишки любили играть в юных партизан: периодически подкапывались шпалы, переводились «не туда» стрелки, откручивались гайки на стыках, подкладывалась на рельсы всякая всячина. Водители дрезин и машинисты паровозов о действиях «партизан» знали и проявляли неусыпную бдительность. Завидев издали «не туда» переведённую стрелку, машинист притормаживал состав и посылал помощника бежать впереди паровоза и исправлять непорядок. Иногда шалуны, оказавшись в вагоне без родителей, принимались раскачивать его на ходу, что на узкой колее было несложно. Перепуганный машинист останавливал состав и бежал к «пьяному» вагону, вспоминая на ходу матерей всех тех, кто в нём находился. Самой невинной забавой было расплющивать монеты. Из никелевой монеты в двадцать копеек после некоторой доработки получалась неплохая блесна на окуня. Но особой популярностью пользовались капсюли от охотничьих боеприпасов – они издавали громкие хлопки, что вызывало особое веселье у окружающих. Находились и такие, особо одарённые музыкальным слухом, умельцы, которые могли так разложить на рельсах капсюли, что те, при наезде колёсной пары, производили узнаваемую «ритмическую мелодию».

Все станции на маршруте, включая конечную, в Колокольске, платформ и навесов не имели. С подножек вагончиков часто спрыгивали, не дожидаясь, пока поезд остановится,

так же и запрыгивали, догнав его на ходу. Иногда, в определённых местах, поезд делал остановки «по требованию». Машинист притормаживал состав, и те, кому было нужно, покидали его.

Как-то осенним днём мать взяла Серёжу за руку и повела на станцию, где собралось уже много народу поглазеть на несчастный случай. На запасной ветке стоял серый мотовоз с прицепленной открытой платформой, на которой в беспорядке лежали несколько деревянных скамеек. Люди топтались вокруг платформы, приседая и заглядывая под днище в то место, где платформа опиралась на колёсную тележку. Просунувшись вперёд вместе с мамой, Серёжа остановился, припав взглядом к большому женскому заду в бледно-голубых рейтузах, свисавшему почти до самых шпал. Ноги женщины в разодранных чулках торчали вперёд, переброшенные через колёсную ось. Ни рук, ни головы женщины не было видно, только задранный подол юбки был туго натянут на верхнюю часть тела, и скрывался где-то в узкой и тёмной щели под днищем платформы.

– Как тётя туда попала? – спросил Серёжа.

– С платформы прыгнула, – объяснял кто-то в толпе, – а подол-то зацепился... её и затянуло под низ-то...

Толпа охала, сочувственно качала головами.

– За грибами в Лесной ходила, – продолжал голос, – устала и решила, значит, обратно на мотовозе доехать. Вот и прокатилась... Говорят, кричала, но машинист не слышал...

Это была первая смерть, которую Серёжа увидел в своей жизни. И, возможно, мать, показавшая ему эту смерть, в какой-то степени уберегла его от опасных шалостей, которые подстерегали подростков на каждом шагу. Из множества несчастных случаев, которые довелось ему увидеть впоследствии, только этот оставил в его памяти наиболее яркое воспоминание.

8

Посёлок Лесной Серёжа не любил. Всё это странное, дикое, неудобное и некрасивое место, что называлось посёлком Лесным, вызывало в его детской душе резкое отторжение. Находиться в таком месте не хотелось, а хотелось поскорее убежать и забыть его навсегда. Понять и объяснить причину такого ощущения он не мог.

Это серое и безликое поселение, расположенное среди старых, заброшенных торфяных разработок, где всё вокруг было усеяно белёсыми обломками древних корней, похожих на кости, словно место какого-то побоища, пугало своим жутким и серым однообразием. По центру посёлка на открытом месте, сплошь заросшим спорышом и конским щавелем, серыми шпалами лежали четыре длинных деревянных барака. В отдалении, покрытые слоем торфяной пыли, понуро стояли серые творения рук человеческих: школа, баня, контора, заброшенная пожарная с высокой покосившейся дере-

вянной вышкой и маленький магазин, в котором из постоянного ассортимента была водка «Московская», килька бочковая, чёрный хлеб, чай грузинский и конфеты «подушечки». В другом конце чернели плотные ряды сараев. В стороне, у высокой скирды обглоданных дождём и ветром узловатых корневищ юрского периода, ютился вагончик Управления Лесного отделения торфодобычи. Рядом дремало десятка два тракторов и парочка вечно «голосующих» погрузочных кранов. Раскрытые железные тюльпаны их грейферов, зарывшись в торф, ржавели без работы.

За болотными, непролазными зарослями и мелколесьем скрывались дома старой деревни. Чтобы добраться до них, нужно было идти по глубокой торфяной тропинке, преодолевать по зыбким берёзовым жердям обрывистые дренажные канавы, перебираться через толстые, метрового диаметра, ржавые трубы, по которым на поля подавалась гидро-масса. Преодолев эти препятствия, нужно было продрасться сквозь цепкие стебли иван-чая и осоки и подняться на взгорок, и тогда только открывался вид на старые, покосившиеся и почерневшие домишки, уныло стоявшие в чахлах зарослях по обе стороны от дороги.

В одном из таких домов жила известная на всю округу бабка-ворожиха. Однажды, когда у Серёжи на руках появились бородавки, матери посоветовали обратиться за помощью к бабке. Мать воспользовалась советом и привела сына к знахарке. Та усадила Серёжу возле окна на табурет и

ухватилась за его ладонь своей костлявой с синими прожилками холодной рукой. Серёжа сидел, боясь пошевелиться и безропотно подчиняясь воле старухи. Та водила своим тонким кривым пальцем по бородавке и что-то долго шептала. Серёжа не разбирал слов и только следил взглядом за пальцем старухи. Поворожив, бабка отпустила руку мальчика.

– Всё пройдёт, милоч, иди с Богом, – сказала она.

Мать поблагодарила хозяйку и протянула ей деньги, но та наотрез отказалась.

– Ну, тогда, может быть, вот, – Нина достала из клеёчатой сумки сизый бумажный кулёк, – возьмите конфеты к чаю.

– Вот за это спасибо, милая. Чайку-то я попыю.

На том и расстались. А недели через две бородавки на руках Серёжи как-то сами собой исчезли. Бабулю и её покосившийся домик он больше никогда не видел, да и нужды в этом не было.

Как ни старался Серёжа избегать плохих мест, всё же в Лесном бывать приходилось. Там жила семья бабушкиной сестры, тёти Шуры. Муж её, Григорий, работал дежурным по станции в Полудневе. Было у них четверо детей: старший – долговязый молчун Виктор, круглолицая веселуха Людмила, вороватый губошлёп Колька и ровесник Серёжи Вовка. Жили они в последнем бараке, где занимали две комнаты, окна которых упирались в покосившиеся гнилые сараи. За сараями начинались заросли молодого подлеска, быстро растуше-

го на торфяной почве. Вокруг барачков всё было серо и уныло даже в солнечный день. В посёлок Лесной семья Шуры переехала недавно. Всю войну они снимали комнату в частном доме в Привалове. Только после того, как было завершено строительство узкоколейной железной дороги, они переехали в посёлок Лесной, где им были выделены две комнаты в отремонтированном бараке.

Зимой 1943-го посёлок Лесной был в срочном порядке переоборудован под лагерь для военнопленных, которых привозили из Сталинграда и Воронежа – по большей части, венгров. Это были те немногие, которым повезло – их не пристрелили на месте, а взяли в плен. За особую жестокость, которую мадьяры проявляли на войне в отношении русского населения, в плен их не брали...

Под расселение военнопленных и были сделаны в Лесном эти длинные однообразные бараки, здание управления и охраны лагеря. Возможно, что лагерная атмосфера так въелась в окружающий ландшафт, что и спустя годы продолжала ощущаться.

За десять предвоенных лет, к началу сороковых, запасы торфа на ближайших к Колокольску территориях были исчерпаны. Проложенная перед войной до станции Тружный железная дорога, уже не обеспечивала подвоз необходимого количества топлива со старых выработок. Железнодорожную ветку необходимо было продлить до Подозёрского торфопредприятия, где были разведаны большие запасы торфа.

фа. Начались подготовительные работы и проектирование, но война нарушила планы. Людей не хватало, и только после победы под Сталинградом и Воронежем появилась возможность возобновить работы по строительству узкоколейки.

Работа была тяжёлая, ну а лёгких в ту пору и не было. Многие военнопленные не выдерживали, умирали. Никто не жалел их – не за что было жалеть. Сами напрягались из последних сил. Умерших пленных хоронили рядом с дорогой, где позволял песчаный грунт. Так и появилось в Полудневе братское венгерское кладбище, что расположилось невдалеке от местного православного.

9

Было Серёже лет шесть, когда он с мамой и бабушкой последний раз приезжал в Лесной.

Тётя Шура женила старшего сына Виктора и позвала сестру с племянницей помочь ей приготовить студень. Ответственным за самогон был дядя Гриша и потому уже вторую неделю ходил с красным носом от постоянной дегустации первача. Человек он был весёлый, песенный. После третьей рюмки его щёки становились румяными, как у барышни. Водилась за ним и ещё одна странность – он никогда не брился, так как ни борода, ни усы у него не росли. За эти щёки да за песни, которые он пел громче всех за столом, и полюбила его когда-то младшая бабушкина сестра.

Внутри барака по всей его длине тянулся тёмный коридор, все стены которого были увешаны старыми промасленными спецовками, тазами, корытами и стиральными досками. От всего этого в коридоре стоял крепкий мозолистый дух.

В комнатах тёти Шуры было душно и влажно, как в бане, что-то варилось и булькало в больших чугунах и кастрюлях. Запах был неприятный. Серёжа с Вовкой подошли к столу, где на широкой доске лежала свежеопалённая и разрубленная вдоль голова свиньи. Пока они изучали голову, пробуя на упругость её нос и уши, женщины занимались разделкой свиных ножек. Срезанная мякоть мелко крошилась и складывалась в глубокую миску, а очищенные суставчики выбрасывались в корзину для просушки, после которой они становились «казанками» и отдавались детям для игры. Разносившийся по всему коридору неприятный запах и вид обглоданных костей не понравился Серёже, и он выбежал во двор.

На вытопанной лужайке за длинным дощатым столом сидел виновник всеобщей суеты – Виктор и что-то сипло и бессвязно доказывал собравшимся корешам, периодически прикладывая растопыренную пятерню к своей расстёгнутой на груди рубашке. За углом барака на солнышке местные мальчишки уже расставляли на земле две колонны свежих казанков. Постояв и понаблюдав за игрой, показавшейся ему скучной, Серёжа вернулся в дом... Снова неприятный запах ударил в нос. Зажав нос рукой, он прошёл мимо двери, откуда этот запах исходил, и вошёл в следующую комнату, где вер-

хом на длинной лавке друг против друга сидели дядя Гриша и Колька.

Комната была нежилая, голые стены, как и в коридоре, украшали всё те же тазы и корыта, и большое круглое деревянное решето. Слева в углу у окна стоял заваленный ящиками стол, второй – находился посередине. Вдоль стен громоздились одна на одной деревянные лавки.

В руках у дяди Гриши была большая зелёная бутылка с отбитым горлышком. Колька держал намотанную на руку тонкую бельевую верёвку, другой конец которой был у отца. Верёвка петлёй охватывала бутылку. Седоки поочерёдно, как пилу, тянули на себя верёвку, пытаясь перетереть бутылку пополам. Серёжа замер, поражённый необычным процессом. Он не мог поверить, что такой мягкой верёвкой можно распилить стекло, но видя, что дядя Гриша настроен серьёзно и что даже пот капает с его лба от усердия, решил дожидаться окончания процесса. Через час, не добившись результата, пыльщики устали и решили перевести дух.

– Вот что, Колька, – произнёс дядя Гриша, подумав, – надо натереть канифолью, тогда скользить не будет.

Он вытер рукавом вспотевший лоб. Щёки его наполнились румянцем, какой обычно бывает на морозе у девочек. Колька шмыгнул носом и почесал для умственности затылок.

– А где взять-то?

– Сходи-ка в четвертую к дяде Саше, – сказал отец, кивая

головой в сторону коридора. – Он приёмники чинит, у него должна быть.

Через пять минут Колька принёс круглую железную баночку из-под зубного порошка, в которой среди капель припоя лежал кусочек коричневой смолы. Дядя Гриша, как заправский мастер, взял смолу и, закусив набок язык, стал усердно натирать скользкие бока бутылки. После этого процесс перепиливания повторился, только верёвка стала нагреваться, скрипеть и быстро перетираться. Вновь и вновь пильщики обматывали неподдающуюся бутылку верёвкой, вновь натирали смолой уже саму верёвку, пока, вконец измотавшись, не оставили свою затею. Серёжа всё это время неотрывно наблюдал за происходящим, ожидая чуда, но оно не случилось. Поначалу он ещё думал, что дядя Гриша знал какой-то секрет, который не был известен ему, и ожидал его разгадки, но, видя, что ничего у дяди Гриши не получается, понял, что зря потерял время.

– Всё, Колька, – были последние слова дяди Гриши, – бросаю это дело – ничего не выходит, – и, покачав глубокомысленно головой, добавил. – Что-то мы не так делали...

Разочарованный Серёжа покинул комнату и снова оказался на улице, где и оставался до тех пор, пока его мать и бабушка, закончив со студнем, не поспешили на пятичасовой поезд, которым вернулись в Полуднево.

На исходе было лето. Отдыхающих на Купалке убавилось – только редкие парочки прогуливались по зелёным берегам и сидели на скамейках. На карьерных островах давно покинули свои гнёзда опушившиеся белыми перьями молодые чайки. Они резвились в небе, оглашая округу пронзительным криком. Заполненные водой и рыбой карьеры на многие километры протянулись на северо-восток и на юго-запад от посёлка.

Карьеры были рукотворными. Появились они в результате размывания гидромониторами слоя торфа и откачки получившейся гидромассы на карты – большие, квадратной формы поля, обвалованные бортиками. После подсыхания торфяной жижи на её гладкую поверхность запускались трактора-болотоходы, которые своими метровыми гусеницами нарезали торфяное тесто на брикеты. А дальше начинался ручной женский труд. Тысячи молодых «торфушек» в подвязанных к шеям высоких брезентовых бахилах целыми днями, как стаи ворон, копошились на торфяных полях, перекладывая, просушивая и укладывая в высокие скирды готовый торф. А на месте размытой торфяной залежи оставались лежать на песке огромные груды промытых и обглоданных временем древних корней – фантастическая картина...

В августе из Черниговки в гости к отцу приехал брат Ана-

толий со своей женой Любой и детьми – Юрой и Таней. Юра был на год старше Серёжи, а Таня на три года моложе. Теперь у Серёжи появился дружок-напарник, с которым можно было гулять где угодно, и даже там, где раньше было нельзя. Первым делом Серёжа показал брату Купал-ку, а вечером, когда стихли трактора, они вдвоём обошли территорию механических мастерских. На следующий день экскурсии подвергся посёлок со всеми улицами и дворами. На третий день настал черёд карьеров. Серёжа на карьерах, разумеется, бывал, но только вместе с отцом. Юра, как старший, посоветовал ничего не говорить родителям, а сходить туда по-быстрому самим. Так и сделали. С братом Серёжа чувствовал себя уверенно и спокойно.

Дорогу Серёжа помнил: от Купалки, повернув налево, идти вдоль берега широкой канавы, потом перейти по жердям поперечную канаву и повернуть направо. Дальше – канава сама приведёт к Первым карьерам. Братья прошли вдоль широкой канавы, миновали мосток и стали двигаться по узкой извилистой торфяной тропе, огибая бесчисленные кочки и торчащие из торфа щупальца древних корней. Солнце ещё припекало, и многочисленные ящерицы сновали под ногами и в зарослях болотного багульника и брусники.

Увидев застывшую в воде лягушку с поднятыми перископами глаз, Юра не сдержался и запустил в неё маленькой кривой коряжкой. Серёжа сделал то же самое, после чего они принялись сбрасывать в воду всё, что попадалось под

руку. Высокие брызги и поднимаемые волны приводили их в восторг. Подобрал хорошую корягу, Серёжа изогнулся как штангист перед толчком штанги и с силой обеими руками оттолкнул от себя корягу, направляя её в воду. Он не услышал всплеска воды, не увидел, как высоко поднялись волны. Всё сразу стало темно и сыро. Через секунду он понял, что вместе с корягой лежит на дне, привязанный к ней как донная мина. Всплыть он не мог, коряга держала его, зацепившись за лямку его штанов. Он ещё не успел испугаться и делал бесполезные движения руками скорее инстинктивно, чем осмысленно. Сколько времени продолжалось это барахтанье под водой, он не помнил, только почувствовал в какой-то момент, как что-то тычется ему в бок. Потом это что-то зацепилось за него и потянуло вверх.

Очнулся Серёжа уже на тропинке. Когда он открыл глаза и немного осмотрелся, то понял, что нырнул в канаву вслед за корягой, которая утащила его за собой, и что из воды его вытащила неожиданно возникшая бабушка, случайно оказавшаяся рядом. Это её клюшка тыкалась ему в бок. Серёжа до конца ещё не осознал, что был на секунду от смерти, и поэтому не почувствовал большой радости от того, что остался жив. Его больше беспокоило то, что мать будет сильно ругаться, когда узнает, что он без разрешения ушёл на карьеры.

Он не задавался вопросом: откуда взялась эта незнакомая бабушка? Просто не знал, что с того самого момента, когда его младенцем окрестили в православном храме, Господь по-

слал ему ангела-хранителя, который всегда был с ним рядом и в нужный момент спас ему жизнь. Пока Серёжа с братом шли и кидали в воду коряги, они никакой бабушки не выдали... И вдруг она появилась – сама собою...

А ангел-хранитель в образе неизвестной бабули, молча постояв и убедившись, что всё в порядке, так же незаметно исчез, как и появился.

До карьеров было – рукой подать, но теперь туда идти не хотелось, и братья повернули к дому. По дороге на ветерке вода со штанов стекла, но одежда ещё оставалась мокрой. Зайдя во двор дома, братья прошли к сараю, где, катаясь на качелях, оставались до тех пор, пока Серёжины штаны и рубашка не просохли окончательно.

Дома в общей суете никто ничего не заметил, и происшествие удалось скрыть. Тётя Люба напекла блинов, и после приключений на болоте казалось, что ничего нет лучше на свете, чем есть горячие блины, макая их в сметану и запивая молоком. Недавнее приключение с корягой забылось и вспоминалось уже через много лет, как забавный эпизод детства.

11

За своим новым самосвалом отец Серёжи был послан на автозавод в Москву, откуда пригнал в посёлок новенький, сверкающий свежей краской ЗИЛ. До этого отец окончил дополнительные водительские курсы и получил водительские

права первого класса. На рубеже шестидесятых, когда легковой автомобиль не был даже мечтой, главным средством передвижения на посёлке были грузовики и мотоциклы. Водители грузовиков были известны всей детворе, как первые космонавты. Их знали по именам. «Дядя Валера! Прокати!»— кричали мальчишки, завидев знакомый самосвал, за рулём которого сидел Серёжин отец. Дядю Валеру любили, он редко отказывал покатать ребят, только, если куда спешил по работе. Сажал и в кабину, и в кузов, и делал круг по посёлку. Серёжа часто ездил с отцом даже в рейсы, если это было не очень далеко: например, в песчаный карьер. Там отец подгонял свой самосвал под экскаватор, пересаживался в кабину последнего и сам загружался песком.

Дороги на посёлке были грунтовые, весной и осенью становились почти непроходимыми. Смотреть за тем, как машина буксует, было захватывающим зрелищем. Мальчишки обступали застрявший грузовик, и, раздувая щёки, каждый принимался выть и рычать, помогая мотору вытягивать грузовик. Сидя в кабине, Серёжа наблюдал за действиями отца и знал назначение всех рычагов и педалей. Иногда ему разрешалось поднимать кузов, и он делал это с удовольствием.

Само собой разумеется, что любимой игрушкой всех мальчишек был большой железный самосвал, у которого, помимо поднимающегося кузова, открывались дверки кабины и передние колёса поворачивались рулём. Лучшим местом для игры такими машинами была большая песочная поляна,

находившаяся у главного въезда на территорию механических мастерских. Все обладатели больших игрушечных грузовиков собирались на этой лужайке, и начинались гонки на выживание – с обгонами и авариями. Преодолевая зыбучий песок, «моторы» грузовиков протяжно и надрывно выли, пугая проходящих мимо собак и старушек. В тот день, когда родители купили Серёже такой грузовик, он чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

В какой-то из дней ранней осени отец, как обычно, заехал на обед домой. Серёжа упросил отца прокатить его один круг по посёлку, то есть проехать по треугольнику улиц. На повороте у Большого двора толпа мальчишек, которых Серёжа помнил с тех пор, когда жил здесь, обступила машину. Отец остановился, и ватага ребят школьного возраста быстро вскарабкалась через борт в кузов. Самосвал сделал круг по посёлку и вновь остановился у Большого двора, чтобы высадить пассажиров. Встретив знакомого, отец высунулся из кабины и увлёкся разговором. Прошло несколько минут. Серёжа повернулся назад и посмотрел сквозь окно – что делается в кузове. Мальчишки стояли, крепко вцепившись в борт, и не собирались покидать кузов. Тогда он потянул на себя рычаг подъёма, и кузов стал медленно подниматься вверх. Снова посмотрев в окно, он увидел, как быстро изменилось выражение их лиц.

– Чего это у тебя, Василич, кузов-то задрало? – обратил внимание собеседник отца, жамкая губами папироску.

– Куда задрало?

– Да вона... детвора посыпалась...

– Ах ты! .. Едрит-твоть... Ну, марафонец!

Пока отец, спохватившись, приводил кузов в прежнее положение, «десант покинул броню» и барахтался в луже, случайно оказавшейся под задними колёсами.

Было очень весело...

12

Детский сад, в который ходил Серёжа, был, как и школа, гордостью посёлка. Красивое двухэтажное здание заметно выделялось на фоне деревянных домов, в которых жило большинство рабочих семей. На первом этаже размещались младшие группы, старшие – на втором. Детский сад Серёжа любил, особенно – полдники, когда давали свежие булочки с изюмом и компот. Ещё он любил свою воспитательницу Анну Георгиевну и прогулки в кустарник, куда водили только старшие группы.

Кустарником называлось место за полотном железной дороги, где зарастали молодыми берёзками старые, выработанные торфяные поля. От детского сада до кустарника было не более полукилометра. Детей строили парами у крыльца и в таком порядке выводили за ворота. Маршрут лежал мимо Большого двора и дальше – узким длинным проходом между двух глухих заборов. Проход заканчивался у железной до-

роги, где находился переезд, от которого дорога поворачивала направо к конюшням, а прямо – начинался кустарник. Старые, заброшенные поля ещё сохраняли свою дренажную систему. Канавы были заполнены водой, берега – сплошь покрыты бурыми шкурами сухого, ершистого мха, шапками возвышались острова пахучего багульника и лоскутными одеялами пестрели коврики брусники. Здесь каждый находил себе занятие по душе. Серёжа не смотрел, чем занимались девочки, кажется, они просто бегали друг за дружкой, оглашая пространство своим визгом. Сам же он, как и его друзья, был поглощён серьёзным занятием – ловлей ящериц и головастика. Если кому-то удавалось поймать жирную лягушку, то её, слегка подкачав через тонкую соломинку, отпускали. Лягушка смешно барахталась на поверхности воды, пытаясь уйти на глубину, и не понимала причину неожиданно возникшей непотопляемости.

Особой любовью детей пользовались загадочные росянки. Их находили среди мха, обступали со всех сторон и долго наблюдали, как липкие реснички прямо на глазах сворачивались в трубочку, поглощая «пойманную» добычу. Зрелище было захватывающее.

Через два-три часа нагулявшиеся и возбуждённые дети возвращались обратно. С трудом сохраняя пары, галдящая как сороки толпа малышей громко обсуждала, кто кем хочет стать или что хочет сделать, когда станет большим.

У мальчишек выбор был невелик: кто-то хотел быть лёт-

чиком, кто-то шофёром или трактористом, а кто-то просто – милиционером. У девочек вариантов было ещё меньше – всего два: стать врачом или учительницей. Когда очередь дошла до Серёжи, он неожиданно для всех, а может быть, и для самого себя заявил, что хочет строить дома. Такая мечта всем показалась странной и, конечно, с ним стали спорить. Тогда он и заявил, что станет архитектором. Откуда взялось это странное слово, где он его услышал, он и сам объяснить не мог и, возможно, не вполне понимал даже его значение, но слово было сказано...

Разумеется, никто ему тогда не поверил, о споре через минуту забыли, забыл и Серёжа. Он вспомнил о нём через двадцать лет, когда окончил институт. И тогда, вспомнив давно забытый детский разговор, он подумал, что всё-таки был прав, заявив о своей мечте в тот солнечный майский день, когда возвращалась с прогулки его выпускная старшая группа полудневского детского сада.

13

Осенью Серёжа пошёл в школу. Первая торжественная линейка во дворе школы – первое осознанное и волнующее событие в жизни. Над входом в школу была растянута кумачовая лента с приветствием, в руках школьников – цветы, родители первоклассников собрались на тротуаре и внимательно наблюдали за происходящим во дворе школы. На Се-

рёже была серая школьная форма с ремнём и фуражкой, которая ему очень нравилась. Такая же форма была и на других его товарищах одноклассниках. Девочки были нарядны в своих белых передниках и пышных бантах, заплетённых в косички.

Все школьники построились в неполное каре вокруг большого постамента, на котором ещё недавно возвышался памятник Сталину. Совсем недавно в одну из ночей памятник неожиданно сняли и отвезли на склад, где на всякий случай аккуратно укрыли и оставили в покое до новых распоряжений. Бывший фронтовик, директор школы, лишившийся на войне глаза, произнёс бодрящую речь, пообещав, что в скором времени рядом со старой школой будет построено здание новой, современной школы. Обещание своё он сдержал, и через пять лет в новой двухэтажной школе прозвучал первый звонок.

Когда известный съезд партии осудил культ личности «отца народов», многие бывшие фронтовики перестали носить боевые награды с профилем опального вождя. Кто-то даже выбрасывал такие медали, и они стали появляться в руках у мальчишек.

Однажды Серёжа взял без разрешения отцовские награды и ушёл с ними в клуб. Он прицепил их себе на грудь под пальто и только в фойе клуба, где собрались ребята, решил показать, что у него есть.

Любая тайна для подростка хороша тогда, когда ей мож-

но поделиться со сверстниками, или удивить их чем-нибудь, иначе эта вещь просто не нужна и не интересна. Естественно, что, похвалившись тем, что у него есть, Серёжа был тут же наказан. Взрослые ребята, увидев медали, попросили их поносить, но возвращать не собирались. Серёжа испугался, что не сможет вернуть отцовские медали и что отец рассердится и будет ругать его. Он ушёл домой и признался во всём отцу. Отец немедленно отправился вместе с сыном в клуб, нашёл обидчиков и заставил их вернуть то, что им не принадлежало.

То, что было потом, Серёжа запомнил на всю жизнь.

Они сидели с отцом на полу в коридоре. Отец, разложив перед сыном медали, подробно рассказывал ему о том, за какие военные отличия каждая из них была ему вручена. Впервые Серёжа слушал рассказы отца о войне. Он чувствовал свою вину перед отцом и боялся пошевелиться, чтобы не нарушить то состояние спокойной беседы, в котором неожиданно оказался. Он скорее ощущал, чем понимал, что именно сейчас происходит что-то важное в его жизни, что он недавно совершил очень плохой поступок и что отец хочет объяснить ему это не ремнём, как поступил бы раньше в подобном случае, а словом. И это было ново, так необычно, что даже мать ни разу не вмешалась в их разговор. Впервые отец говорил с ним серьёзно, как с взрослым, и эта серьёзность пугала Серёжу. Он слушал отца, не перебивая. Постепенно до его детского сознания стал доходить смысл сказанного

отцом в этот вечер. Приходило смутное осознание большой моральной ценности этих маленьких кружочков металла на ярких ленточках. Понял Серёжа и то, что в жизни есть вещи, над которыми нельзя смеяться и которыми надо дорожить, как памятью о героическом прошлом своих предков.

Рассказы отца о войне он слышал потом ещё много раз. С годами отец всё чаще возвращался в своё военное прошлое, которое не отпускало его до конца жизни. Но тот, первый разговор о войне, состоявшийся на полу в коридоре, Серёжа никогда не забывал.

14

Наступление зимы всегда несёт в себе ожидание сказки. Сезонные работы на полях давно закончены, клюква собрана и мёрзнет на чердаке, грибы высушены, засолены и замаринованы, капуста томится под гнётом в кадушках и картошка спит в тёмных погребах. На карьерах – тонкая слюда льда. С приходом зимы заканчивается томительный сезон осенних дождей и непролазных дорог. Первый лёд собирает смельчаков, а через несколько морозных ночей уже вся детвора и взрослые, накрутив на валенки «снегурки», мчатся по замёрзшим канавам на Первые карьеры. Многие берут с собой корзинки и собирают по островам недоступную ранее клюкву. Только в самом начале зимы, когда снег ещё не скрыл границу воды и тверди, можно хорошо осмотреть и изучить

контуры дальних карьеров и всех труднодоступных мест на болотах. Лёд под ногами поёт, как натянутая тетива, — «Ти-иу, ти-иу, ти-иу». Далеко слышно... Кто-то занимается заготовками камыша, кто-то собирает вязанки хвороста, а кто-то тащит в руках свежесрубленные, звенящие на морозе, берёзовые жерди. Мальчишки берут из дома спички и подпаливают островки сухой осоки и камышовые заросли с коричневыми пуховыми початками филатиков. Через много лет, любясь живописью голландских мастеров, Серёжа обнаружил в их зимних пейзажах много узнаваемого и схожего со своим детством, и эта голландская живопись стала его любимой темой в искусстве.

За неделю до Нового года отец брал санки, верёвку, топор и отправлялся на лыжах в дальний лес — на Третью подстанцию. Возвращался он обычно с двумя ёлками и ставил их в саду перед окном. Мать выбирала ту, которая ей больше нравилась, вторую отдавали соседке. Выбранную ёлку отец закреплял верёвкой в ножках перевернутого табурета. Ёлка ставилась в зале, и для Серёжи наступал долгожданный и самый волнующий момент всего новогоднего праздника — развешивание игрушек. Большая картонная коробка с ёлочными игрушками приносилась из чулана. На верхушку ёлки надевалась стеклянная пика, понизу развешивались гирлянды. Поверх всей этой красоты отец набрасывал гирлянду из раскрашенных автомобильных лампочек, а внизу под ёлку ставились фигурки деда Мороза и Снегурочки. И пока ёлка

стояла дома, казалось, что в доме гости, хотя никаких гостей никогда не было.

Как-то, отправляясь в очередной раз в лес за ёлкой, отец решил взять сына с собой. Вышли они до обеда. Идти пришлось по сверкающей белой целине, так как ночью подвало снега. Отец прокладывал лыжню, Серёжа шёл следом. По заснеженной равнине полей добирались долго. Через обводную канаву были брошены два бревна, чтобы преодолеть их, нужно было снимать лыжи и осторожно карабкаться по скользким брёвнам. После обеда, когда уже были в лесу, снова пошёл снег. Срубив одну ёлку, отец выставил её на просеку и стал искать вторую. Долго искал... Наконец, нашёл, вытащил из леса и поставил рядом. Посмотрел, повертел и, не найдя её совершенной, пошёл за третьей.

Зимний день тороплив, и вскоре стало смеркаться.

Скрутив и примотав ёлки к санкам, отец и сын двинулись в обратный путь. Долго они находились в лесу, довольно устали, слегка продрогли и с самого утра ничего не ели. Надо было спешить и до темноты выйти из леса. Когда, преодолев последний кустарник, наконец выбрались на границу полей, сумерки сгустились. Почти на ощупь, ползком преодолели они опасную переправу через канаву. Заходящая луна, тускло освещая снежную равнину, едва позволяла не сбиться с пути. Серёже стало страшно, но он не подавал виду и старался не отставать от отца. Щёки замёрзли и начинали болеть от ветра, коленок он не чувствовал, а руки едва удержива-

ли палки. Отец шёл впереди, периодически оглядывался назад и подбадривал сына. Спасительный диск луны опускался к лесу, и становилось темнее с каждой минутой. Наконец, тьма поглотила всё. Серёжа выбился из сил и стал отставать. Движение замедлилось. Серёжа стал бояться, что могут появиться волки... Эта мысль стала подхлёстывать, не давала расслабиться. Из последних сил тянулся он за отцом, и, на его счастье, в эту ночь волки не появились.

Через час впереди из темноты стали пробиваться редкие огоньки, и вскоре их стало больше. Это был посёлок. Идя почти на ощупь, отец старался не сбиваться с проложенной днём лыжни. «Надо идти вперёд, – думал он про себя. – Только вперёд» ... Уже стал слышен лай собак, потом обозначился силуэт подстанции... Вот и дом, наконец...

Эту ночь и тьму над снежной равниной, спину отца, идущего впереди, и холод Серёжа вспоминал каждый раз, наряжая очередную новогоднюю ёлку. Но что было потом, когда они, совсем замёрзшие, появились на пороге, память стёрла. Наверное, были упрёки, оправдания, потом горячая ванна и мамины блины с чаем и вареньем...

Ёлки в доме ставились каждый год, но Серёжа не мог припомнить, чтобы этот праздник когда-нибудь отмечался за праздничным столом с родителями. Они, не дожидаясь боя курантов, обычно рано ложились спать, а иногда уезжали в этот день в Иваново к родственникам. И Новый год Серёжа встречал с бабушкой или в одиночестве, сидя у телевизора.

Постепенно это перешло в привычку, сначала неосознанную, а затем уже и вполне осознанную. Конечно, были школьные вечера и «ёлки» в клубе, но вот самый момент боя курантов он встречал, как правило, в одиночестве. Не имея праздничного стола, во время боя курантов он просто открывал окно и впускал в комнату свежий морозный воздух нового года...

15

В середине зимы, когда сугробы поднимались выше человеческого роста, гусеничный трактор начинал таскать по дорогам отрезанный нос броненосца – тяжёлую металлическую волокушу – и её высокими бортами раздвигать по обеим сторонам дороги слежавшийся снег. Мальчишки бежали за волокушей, догоняли и забирались в неё на ходу через заднюю распорку, и в качестве дополнительного балласта катались в ней по улицам посёлка.

Часть луговины, когда устанавливались морозы, пожарные заливали водой, и получался каток. По периметру катка ставились высокие шесты или столбы, на которых развешивались самодельные гирлянды из раскрашенных лампочек. Становилось красиво и празднично. На другой части площади, ближе к Дунаю, сооружалась большая ледяная горка. Кроме этой горки было и другое место, где детвора каталась зимой на санках. На выезде из посёлка в сторону села Ар-

хангело, слева от дороги находился глубокий песчаный котлован, называемый в народе – Курашихина гора. Зимой котлован засыпало снегом, и его откосы становились хорошими горками для катания на санках. По легенде на месте котлована когда-то стоял дом, в котором жила некая Курашиха. Однажды ночью к ней в дом проникли воры, которые убили её и ограбили, а дом подожгли. Строиться на пепелище никто не хотел, много лет место пустовало, а потом появился песчаный карьер, за которым и закрепилось такое название.

К началу марта установились солнечные дни, но зима ещё не думала уступать свои права. Лишь ветки берёз сделались темнее, освободившись от следов недавних метелей, да первые проталины на теплотрассах указывали на приближение весны.

С одним из своих приятелей, Редькиным, Серёжа гулял весь день. Друзья обошли по укатанной лыжне Купалку, оттуда по зимней дороге забрели на безжизненную в такую пору площадку гаража торфоуборочной техники и, под конец, оказались на территории механических мастерских. Старый приземистый цех по самую крышу был заметён снегом. Снег был чистый и плотный, и вместе с крышей представлял большую единую снежную горку. Пройти мимо такого соблазна и не попробовать прокатиться друзья не могли и, не раздумывая, полезли на крышу. Спуск с лавиною снега и короткое свободное падение в глубокий сугроб принесло много удовольствия. Они падали и падали в слежавшийся снег, утопа-

ли в нём по пояс и с восторгом повторяли всё сначала.

Уже мало оставалось на крыше снега, уже внизу всё было изрыто и перетоптано, и пора было расходиться по домам – сушить штаны и всю остальную одежду. Что ни говори, сегоднешняя прогулка удалась. Редькин решил съехать с крыши последний раз. Серёжа остался ждать на дороге. Редькин не спеша поднялся к самому коньку, нацеливаясь на оставшуюся нетронутой последнюю полоску снега. Его превратившиеся в сплошную ледянку штаны и такое же, замызганное снегом, старое пальто напоминали броню белого носорога. Усевшись на нетронутый ещё снег, он оттолкнулся и, прошуршав по ржавому железу обледенелыми штанами, исчез с головой в сугробе. Серёжа постоял некоторое время, дожидаясь появления из снега улыбающейся головы товарища, но голова не появлялась. Оглядевшись по сторонам, как бы убеждаясь, что он по-прежнему один стоит на дороге, Серёжа направился к тому месту, где скрылся Редькин. Осторожно ступая по насту, он подобрался к самому краю снежно-го провала. На всякий случай он лёг на живот и осторожно заглянул в дыру. Глубоко внизу шевелилось что-то непонятное и чёрное. Серёжа смотрел, стараясь прикинуть, что бы это такое могло быть, пока из чёрной мазутной жижи на него не уставились два Редькиных глаза. И тут Серёжа вспомнил, что летом видел в этом самом месте врытую в землю широкую железную бочку с мазутом. Именно в неё-то так ловко угодил его приятель. «Ну и ну!» – удивился Серёжа.

– Давай, вылезай, – предложил он Редькину.

Но Редькин молчал, боясь раскрыть рот, и только разглядывал свои руки, с которых стекал чёрный густой мазут, и моргал глазами. Он по шею был погружён в этот чёртов мазут и выбраться самостоятельно не имел никакой возможности. Подумав, Серёжа решил, что самому ему, пожалуй, не справиться и не вытащить товарища из этой ловушки, и побежал за подмогой.

Оставшийся один, Редькин смотрел через толщу пробитого им снежного колодца на свет и думал, что всё-таки ему повезло, что он попал точно в центр бочки, а не на край её...

– Могло бы быть и хуже, – успокаивал он себя. – Только вот мать пороть будет... Это точно.

До дома было рукой подать. Через пять минут Серёжа вернулся с бабушкой и мотком толстой верёвки. Подобравшись к краю провала, бабушка опустила конец верёвки почти окончившему от холода юнцу и, когда тот намотал верёвку на руку, потащила вверх. Сначала из снега показалась чёрная голова, а затем и весь Редькин, как чёрное чудище, вывалился на белый снег, тут же окрасив его коричневой и вязкой жижей. Вот так – из тьмы на свет – и родился Редькин во второй раз.

Не каждому выпадает такое везение...

Два подростка шли по дороге, ведомые бабушкой. За одним из них до самого дома тянулся тёмный мазутный след. Серёжа с бабушкой проводили «везунчика» до дома и пере-

дали в руки онемевшей от ужаса матери...

Довольный благополучным завершением прогулки, Серёжа вернулся домой и, развесив у печки мокрую одежду, сел за стол обедать.

Редькин появился в школе только через неделю, старательно отмытый в бензине и заново одетый.

16

Больше, чем кататься на лыжах, санках и волокушах, Серёжа любил зимой строить снежные крепости. Любовь эта строилась на двух началах. Во-первых, Серёже нравился сам процесс возведения, где он мог делать всё, что угодно и никто ему не указывал, как надо делать. Во-вторых – по весне крепость можно было красиво взорвать. Для подрыва он использовал «взрывпакеты», которые закладывал в шурфы, сделанные черенком лопаты в основании крепости. Посмотреть на подрыв крепости Серёжа приглашал родителей и друзей. Он зачищал запаянный конец фитиля, зажигал его, опускал взрывпакет в шурф и отходил на безопасное расстояние. Через несколько секунд раздавался взрыв, и крепость разваливалась на куски. Зрелище это доставляло удовольствие. Тогда он не мог и предположить, что через десять лет в институте он будет изучать сапёрное дело на военной кафедре.

Ещё одним, не меньшим удовольствием было – стрелять

из малокалиберной винтовки по банкам. Отец, как бывший снайпер, обучил сына навыкам стрельбы, и Серёжа всегда любил и умел стрелять.

В марте шумно и весело проводилась на посёлке Масленица. Для этого любимого праздника Серёжа целый год собирал редкие в ходу монеты – копейки, на которые можно было покупать горячие блины. Один блин стоил одну копейку, и другие монеты к оплате не принимались. Блины выпекали в столовой и большими стопками выносили на площадь, где продавали всем желающим, а точнее тем, у кого имелись копейки. Тут же, на столах стояли и дымили большие самовары с горячим чаем. Серёжа приходил на праздник с полным карманом мелочи и весь день угощал друзей.

Народ веселился, играли гармонисты, ряженые из клубной самодеятельности развлекали публику, драчуны бились мешками, сидя верхом на узком бревне, лихачи пытались забраться на гладкий и скользкий столб, на макушке которого соблазнительно раскачивались новые сапоги. Повсюду шла торговля горячими пирогами, ватрушками, пончиками, петушками, баранками и хрустящими язычками. В начале праздника на площади непременно появлялись три конных богатыря. И, хотя доспехи у них были картонные, мечи деревянные, а парчовые накидки были сделаны из клубных штор, все взгляды собравшихся на площади были прикованы к ним. Богатыри казались настоящими, и было в этом что-то восхитительное, былинное, берущее за живое.

Древняя Масленица, всё тебе ведомо, всё-то ты знаешь. Время не властно над твоим очищающим огнём. Многие сотни лет ты пробуждаешь в народе силу, тысячу лет хранишь душу его. Так пусть же вечна будет эта неразрывная связь времён!

В два часа в клубе начинался дневной сеанс, и в кассу выстраивалась длинная очередь. Клубный киномеханик дядя Володя был другом отца, и потому Серёжа частенько поднимался к нему в будку, куда вход для посторонних был закрыт. В будке было всё интересно. Два больших проекционных аппарата, как два циклопа, стояли, склонившись, у своих амбразур. Когда внутри одного из них при сближении угольных электродов вспыхивала ослепительная вольтова дуга, циклоп открывал свой стеклянный глаз и выстреливал ярким световым лучом в белый экран. Горения электрода хватало ровно на одну часть, потом сгоревшие электроды заменялись новыми. Под каждым аппаратом стояло ведро с песком, куда сбрасывались угольные окурки. Серёжа помогал дяде Володе перематывать плёнку и укладывать каждую часть в отдельную жестяную коробку.

В шестом классе он записался в школе в кружок киномехаников, который вёл всё тот же дядя Володя, и после его окончания до десятого класса «крутил» на уроках разные учебные фильмы.

В зале медленно гасился свет, и сразу наступала тишина. В отличие от появившегося позднее электронного экрана те-

левизора белый экран на сцене обладал волшебной магией притяжения и присутствия чуда. Мальчишки не смотрели, они проживали жизнь вместе с героями.

По субботам после дневного сеанса добрая половина зрителей устремлялась в библиотеку. Меняли книги. Очередь на обмен книг была не меньше, чем очередь в билетную кассу на вечерний сеанс. Да, книги читали! Их зачитывали «до дыр», замусоливали, как церковные библии, о них говорили, их обсуждали. Их было трудно купить. При этом книжные магазины ломились от книжного мусора, выпускаемого Политиздатом.

17

Серёже было девять лет, когда в последний день весны у него появился младший брат. Поскольку родился он вскоре после полёта Гагарина, то с выбором имени проблем и сомнений не возникло – конечно, Юра. Роды у мамы были тяжёлые. Серёжа ничего не знал, но отца срочно вызвали в родильное отделение, где до этого работала, а теперь истекала кровью его жена. К ночи отправили в Колокольск дрезину. Через три часа из районной больницы приехал опытный врач, и до утра в окнах роддома горел свет. Пришедший под утро отец сообщил, что опасность миновала.

От дома до больницы было рукой подать – метров двести, и через неделю в сопровождении своих друзей-соседей

Серёжа сам нёс своего маленького брата домой. Отыскалось на чердаке легендарное оцинкованное корыто, в котором когда-то привезли самого Серёжу, и уже через год Юра плескался в нём на улице возле дома.

В детстве всё бывает впервые: впервые встал на ноги, впервые сломал игрушку, впервые испытал боль, впервые потерялся в толпе – всё впервые.

Когда мама отправила Серёжу в магазин за хлебом и дала с собой рубль, Серёжа впервые принял самостоятельное решение и вместо хлеба купил за рубль игрушечный самолёт – модель первого пассажирского лайнера. Придя домой, он показал игрушку матери, но её реакция удивила Серёжу. Мать стала ругать его за то, что он оставил всех без хлеба и принёс в дом какую-то ненужную вещь. Она отправила его обратно в магазин и велела сдать игрушку. Серёжа не стал возражать, он и сам уже понял, что напрасно купил этот самолёт.

В маленьком промтоварном магазине, где работала тётя Тоня, продавалось много всего интересного: игрушки, разные инструменты, сельскохозяйственный инвентарь, лампы, керосин и многое из того, что было необходимо в хозяйстве. Появившегося на пороге Серёжу с самолётом в руках тётя Тоня встретила улыбкой. Она сразу всё поняла, и рубль вернулся обратно.

Хлеб Серёжа принёс.

Через месяц судьба вновь привела его в магазин к тётё

Тоне. На этот раз ему приглянулся большой и тяжёлый колун, которым он хотел облегчить труд отца, коловшего дрова простым хозяйственным топором. Топор этот часто вяз в толстых сучковатых поленьях, и Серёжа видел, как мучается отец, раскалывая их. Выложив перед отцом ценную вещь, Серёжа удовлетворённо шмыгнул носом и произнёс:

– Вот!

– Что это? – не понял отец.

– Это тебе...

– Вот спасибо, сынок, за заботу, – качая от удивления головой и взвешивая на ладони вещь, произнёс отец. – И чего мне теперь с этим делать?

– Дрова будешь колоть, – разъяснил Серёжа назначение принесённой им вещи.

– Да... Тяжёлый.

Отец продолжал взвешивать в руке железяку:

– И сколько же она стоит?

– Рубль, – сообщил Серёжа, присматриваясь к реакции отца.

– Значит, рубль...

Отец на несколько секунд задумался, прикидывая, что такую железку он, пожалуй, и так где-нибудь сможет раздобыть, а рубль...

– Ты вот что, сынок, – начал он, стараясь как-то мягче объяснить сыну мысль, – отнеси-ка ты его тёте Тоне обратно. Скажи, что у отца уже есть такой, а ты не знал. Она возьмёт.

А в другой-то раз лучше сначала спроси, прежде чем что-то купить. Понял меня?

– Понял, пап. Ну хорошо, я отнесу.

Серёжа вернул тёте Тоне не пришедшийся ко двору колун, и больше подобных случаев не повторялось.

18

Невысокий штакетник разделял палисадники дома. У самой стены, где цоколь имел небольшой выступ, штакетник обрывался, оставляя небольшую щель. Это был тот самый лаз, который позволял попадать к соседям, не делая длинный обход по улице. Надо сказать, что подобные лазы, свидетельствующие о добрых отношениях с соседями, были широко распространены в прежние времена как на Руси, так и в Малороссии. Серёжа часто пользовался таким «проходным двором», чтобы навещать своего соседа – старшекласника Женю.

Женя был старше Серёжи на пять лет. Он жил с матерью и младшим братом. Отец их, работавший главным механиком предприятия, умер несколько лет назад, старшие брат и сестра уехали на север и высылали периодически матери деньги.

Серёжа любил бывать в гостях у старшего товарища. В его комнате, как в музее, было всё интересно. Большой шкаф со стеклянными дверками был весь заполнен книгами. На шка-

фу, на полках, на подоконнике – всюду стояли модели парусных кораблей. От них невозможно было оторвать глаз, и Серёжа с великим любопытством рассматривал их. Какая была работа! Все мелкие детали были аккуратно исполнены и находились на своих местах: спасательные шлюпки, пушки, якоря, канаты, леера, мачты, паруса, лесенки, надстройки – дух захватывало от такого чуда.

Поочерёдно Женя доставал модели кораблей и показывал Серёже, давал подержать в руках, называя их типы. Там были фрегаты, бригантины, шхуны, бриги, а один – самый большой и красивый – корабль был линейным. Серёжа терял дар речи, разглядывая поделки. Он и подумать не мог, что такую тонкую работу можно делать руками. Невиданная прежде красота завораживала. Такого увлекательного зрелища ему ещё не приходилось видеть в своей жизни, и он чуть не плакал от счастья. Видя восторженные глаза Серёжи и его неподдельную заинтересованность, Женя однажды решил подарить Серёже небольшую модель шхуны. С этого чёрного кораблика началось одно из главных Серёжиных увлечений в жизни.

Сразу и навсегда!

У Жени был друг и одноклассник, который жил неподалёку, на соседней улице. Его тоже звали Женя. Помимо схожих имён у друзей были и абсолютно схожие интересы, что бывает не часто. Во всяком случае, Серёжа в своей жизни таких друзей больше не встречал. У второго Жени была та-

кая же флотилия парусников.

Но каким образом возникло такое увлечение? Кто научил ребят? Серёжа этого не знал. И надо сказать, что кроме этих двух друзей – мастеров, отшельников и самоучек – никто на посёлке подобным не занимался. И надо же было такому случиться, что эти двое друзей оказались соседями Серёжи, а он стал единственным их учеником и преемником! ..

Все изготавливаемые друзьями модели кораблей были действующими, то есть все пускались в свободное плавание. Такие испытания регулярно проводились на Купалке. Наверное, не было для Серёжи большего удовольствия, чем любоваться зрелищем гордо скользящих и отражающихся в воде парусников. Даже в самую безветренную погоду бумажные паруса кораблей улавливали лёгкое дуновение воздуха и плыли, оставляя за собой длинные усы волн. Иногда неправильно установленный руль поворачивал корабль под углом к ветру, и корабль начинал блуждать, но стаксели быстро выправляли курс, и корабль шёл дальше. Случалось, что от внезапного порыва ветра парусники переворачивались. Тогда приходилось долго ждать дрейфа...

Иногда Евгении устраивали подрывы кораблей. Для этого выбирался корабль-жертва, в трюм которого закладывался спичечный коробок с порохом. Из пакли скручивался шнур, пропитывался керосином и поджигался. Через некоторое время происходил взрыв «порохового погреба» на корабле – зрелище незабываемое! Какой там футбол? Парус-

ный корабль, рассекающий водную гладь, — разве могло быть что-то интереснее? Вероятно, тогда и стал зарождаться и созревать в Серёже характер романтика, ставший основой его мироощущения.

Вторым необычным увлечением двух Евгениев было изготовление пластилиновых солдатиков эпохи наполеоновских войн. Солдатики были размером со спичку, их форма и вся амуниция выполнялась из цветного пластилина и соответствовала эпохе. Работа была настолько тонкой, что на мундирах солдат можно было разглядеть пуговицы. Каждый полк имел свой цвет мундиров и хранился в отдельной картонной коробке. Производство солдатиков было поставлено на поток, всю технологию их изготовления Серёжа внимательно наблюдал. Количество солдатиков исчислялось тысячами. Коробки для хранения пластилиновой армии друга доставали в аптеке.

Откуда взялось такое странное увлечение? Где черпали друзья знания о той эпохе, о которой в те годы мало кто вспоминал? Не было почти никаких доступных исторических материалов на эту тему. И несмотря ни на что друзья увлечённо трудились над своими армиями. Серёже тоже захотелось иметь у себя таких же солдатиков, и, видя это, первую сотню сосед ему подарил. Ещё сотню он прикупил по полкопейки за штуку. Он пытался и сам научиться их делать и делал, но не всё сразу у него получалось. В каждом мастерстве есть свои тайны. Оказалось, что не каждый сорт пластилина под-

ходил для такой работы, а только изготовленный на определённой фабрике.

С этих пластилиновых полукопеечных солдатиков всё и началось, то есть началось самое главное – Серёжа увлёкся эпохой наполеоновских войн. И это стало его главным увлечением в жизни, даже более главным, чем корабли...

Наполеоновские войны! Разве есть более славная эпоха в истории человечества?

Минуют годы, и он соберёт большую библиотеку – Наполеониану, пройдёт в одиночку по маршруту Великой армии от Немана до Москвы, через тридцать лет напишет об этом книгу, привезёт из далёкого Амбуаза кавалерийскую саблю образца 1805 года, а на его письменном столе будет стоять бронзовый бюст Наполеона. Он будет обожать любимую Францию и ненавидеть подлую Британию.

А всё начиналось с детского увлечения...

19

Тёмный и кислый ноябрь томил ожиданием первого снега. Сбросив свою одежду, застыли в неподвижности голые деревья. Дорога перед домом превратилась в одну сплошную густую жижу, которую нельзя было преодолеть даже в сапогах и приходилось забирать вверх по улице, чтобы впритирку к заборам обойти эту вечную и непролазную топь. Грузовики, боясь застрять в грязном месиве, бороздили обочи-

ну глубокими колеями, делая улицу ещё более непроходимой. Отец, как мог, боролся с этой бедой: закапывал столбы, строил баррикады из валунов, протягивал поперёк улицы железные трубы на стойках. Отчасти это помогало сохранить газон, но окончательно победить сезонную беду мог только «генерал Мороз».

В начале декабря снег, наконец-то, выпал довольно толстым слоем. И сразу во всех дворах, как грибы после дождя, выросли первые снеговики с морковными носами. Мокрые варежки и штаны, красные щёки и колени, заброшенные уроки и счастливые глаза – всё сразу...

Зима пришла!

Братья возились в комнате. Сделали из табуреток «гуляй-город» или что-то такое, что имело отдалённое сходство с ханским шатром или пароходом, на который упала гротмачта с парусом. Такое сходство придавали две швабры, торчащие из-под старого половика, которым было накрыто зыбкое табуретное построение. Маленький Юра забрался в «домик», Серёжа придерживал стулья. В какой-то момент он случайно задел своего четырёхлетнего брата. Юра мог бы стерпеть, но, как большинство избалованных вниманием детей, стал громко плакать. Серёжа понял, что без нагоняя от родителей теперь не обойтись – нужно было спастись...

На крик «маленького» первой среагировала мать и бросилась к Серёже. Он едва успел спрятаться в туалете и заперся изнутри. На шум прибежал отец и начал ломиться в дверь,

угрожая расправой. Он долго метался по коридору, выкрикивая различные угрозы. На всякий случай Серёжа плечом подпирал дверь изнутри, боясь, что отец её выломает. Так прошло несколько минут...

Побушевав, как летний грозовой дождь, вспышка гнева стихла. Отец запер дверь снаружи и лёг на диван, схватившись за сердце. Поняв, что штурм закончился, Серёжа оставил дверь и принялся смотреть в окно, потом он снял с гвоздя мешочек с сушёными яблоками и стал жевать их. Минут через десять подошла бабушка и разблокировала дверь со стороны коридора, но Серёжа не вышел сразу, а ещё какое-то время оставался в своём убежище. Потом он оделся и ушёл гулять во двор. Немного погодя на пороге появился и младший брат, одетый в коричневую, как говорила мама, медвежью шубу. Эта шуба когда-то принадлежала Серёже, а теперь по наследству перешла к Юре.

Дети долго играли вокруг снежной крепости, пока не развалили её. Из обломков крепости Серёжа соорудил маленький, размером с собачью конуру, домик для брата. Юра на четвереньках заползал в домик и обживал его. Из оставшихся комков снега Серёжа пристроил к домику небольшую горку, и младший брат мог самостоятельно кататься с неё на санках. Так вместе они играли во дворе до самого вечера.

После ужина родители, как обычно, рано легли спать, а Серёжа с бабушкой смотрели телевизор. Шёл концерт, посвящённый Дню конституции. О дневном происшествии ни-

кто не вспоминал. Хорошо, что обошлось без тумаков...

Подобные ситуации возникали довольно часто. Серёжа никак не мог понять, почему родители, не желая разбираться, кто прав, кто виноват, сразу проявляли агрессию по отношению к нему – старшему. Неужели быть старшим означает – быть всегда виноватым? Похоже, у родителей не было на этот счёт сомнений. Это ощущение несправедливости по отношению к нему со стороны родителей мучило Серёжу постоянно. Поначалу он ещё воспринимал это как вынужденную необходимость, но со временем внутри его стало копиться возмущение и несогласие. В конце концов в какой-то момент это привело к разрыву в отношениях с родителями. Это был его бунт против несправедливости поведения родителей, и ему хватило упорства целый год с ними не разговаривать.

20

В середине декабря, как обычно, в школе начиналась пора полугодовых контрольных работ. По алгебре конверт с задачами был прислан из области. К конверту прилагалась представительница областного управления образования, которая присутствовала в классе во время контрольной. Задача и примеры, которые учитель математики Роман Фёдорович написал на доске, на первый взгляд показались довольно простыми, но за прошедшие полчаса никто в классе их не

решил. Серёжа полагал, что на такую контрольную отведут два урока и надеялся, что найдёт способ решения задачи, но представительница из области заявила, что контрольная работа рассчитана на один урок и что у всех осталось только пятнадцать минут. После этих слов она удалилась из класса...

Возникла лёгкая паника и даже некоторая растерянность. И тут случилось нечто невероятное: строгий Роман Фёдорович, который никогда не давал никаких поблажек ученикам, сам стал помогать всему классу в решении задачи и примеров...

На следующем уроке была контрольная по химии. Серёжа справился с ней самый первый...

Незадолго до Нового года в клуб привезли два французских фильма: «Скарамуш» и «Три мушкетёра». В результате все зимние каникулы мальчишки посёлка, вооружившись деревянными шпагами, бились во дворах на дуэлях.

Как всегда, на Новый год отец принёс из леса ёлку.

Тридцатого декабря ёлку нарядили, а на следующий день утром родители уехали в Иваново к родственникам, где и остались встречать Новый год. Серёжа утром отправился в школу на новогодний праздник, но вскоре покинул его и вернулся домой. Не зная, чем себя занять, он зашёл в гости к соседям, что жили в доме напротив. Два брата: один был старше на год, другой – на год моложе, сели играть с ним в шахматы. Первый раз в жизни Серёжа играл на двух досках од-

новременно. Через час, к своему великому удивлению, он выиграл обе партии...

Вернувшись домой, он включил телевизор и с интересом посмотрел очередную серию приключенческого фильма «Капитан Тенкеш». И в этом фильме было много фехтовальных сцен, но уже на саблях. Серёжа с тоской вздохнул, потужив о том, что не повезло ему родиться в то хорошее время, когда каждый мужчина не расставался с оружием ни днём, ни ночью; оделся и снова отправился на улицу.

Гулял он недолго, на улицах сделалось пустынно и скучно. Придя домой, он запер двери и сел смотреть телевизор. Новогодние передачи шли до самых вечерних новостей. Новости Серёжа не любил, да и какие могли быть новости? Сколько засыпано зерна в закрома, как претворяются в жизнь решения пленумов, с каким единодушием трудящиеся одобрили очередное предложение – всё это большого интереса не вызывало.

Он выключил телевизор, чтобы тот отдохнул и остыл. Так велел делать отец, когда два года назад привёз этот телевизор из Москвы. Телевизоры были далеко не у всех, их берегли. Прибитая на крыше антенна принимала всего два канала, но их вполне хватало: телевизионные спектакли, познавательные передачи и научно-популярные фильмы шли каждый день. Не было ещё «звёзд эстрады», пошлых «юморин» и всей той развлекательной помойки, в которой утонуло телевидение через тридцать лет.

После ужина бабушка уложила младшего брата спать и легла сама. Серёже пришлось в одиночестве смотреть новогодний «Огонёк». В полночь, когда кремлёвские куранты начали свой отсчёт, он съел две шоколадные конфеты и выпил стакан воды.

Так он встретил рубежный для себя 1966 год.

На телеэкране продолжался «Огонёк», главной идеей которого была тема самообслуживания. Космонавты поменялись ролями с телеоператорами, управляли большими телекамерами. Юрий Гагарин исполнял роль журналиста, ходил по студии с кинокамерой и снимал своих друзей. И все гости весь вечер себя самообслуживали...

Первый день нового года прошёл тихо, впрочем, как и все первые дни каждого года. Серёжа вышел на улицу, но никого нигде не встретил и зашёл к соседу напротив. Сыграл с ним две партии в шахматы, одну проиграл, другую выиграл. Потом вернулся домой, включил телевизор и до вечера смотрел всё подряд.

В замкнутом пространстве посёлка увлечения среди подростков передавались как вирус. Стоило, например, кому-то чем-то увлечься, как через некоторое время этой «заразой» болел уже весь посёлок. Увлечения бывали самые разные: изготовление самодельных самокатов, пистолетов, рогаток, луков, удочек, различных свистулек, плетение вершей и так далее. Касалось это и одежды. Как только вошли в моду брю-

ки-клёш, посёлок погрузился в повальное творчество. Не споря о вкусах, местные модники воплощали своё представление о красоте: брюки распарывались по швам до колен, в швы вставлялись потайные клинья, часто красного цвета, и даже с лампочками, которые включались в тёмное время суток от батареек, спрятанных в кармане. На танцах такие модники были вне конкуренции.

Что касалось Серёжи, то он был не восприимчив к подобным вирусам. Возможно, он был устойчив от природы, а возможно, сказывалось воспитание матери, учившей сына продуманно выбирать себе занятие и не увлекаться пустыми играми. Он и не увлекался. Из всех игр мог позволить себе только шахматы или шашки, в которые играл с бабушкой. Азарт был над ним не властен.

«Всё, что нравится и вызывает азарт – таит в себе опасность!»

Это было первое правило, усвоенное Серёжей. В пример мама приводила росянку. Красивые реснички её маленьких листочков со сверкающими капельками на концах привлекают насекомых, которые устремляются к этой красоте и оказываются в ловушке. Как это похоже на то, что бывает в жизни. Всё, что таит опасность, всегда облекается в красивый фантик.

В спорте Серёжа отдавал предпочтение гимнастике, фехтованию и стрельбе. Но в школе оружия не водилось, а игры с мячом его не интересовали. На уроках физкультуры он

чаще проводил время со штангой, пока остальные играли в волейбол.

Зимние каникулы не прошли даром. Серёжа самостоятельно стал осваивать технику масляной живописи. Ещё минувшей весной родители подарили ему на день рождения набор масляных красок. Двенадцать тоненьких тюбиков, помещённые в картонную коробку, источали приятнейший запах льняного масла. Серёжа был уверен, что художником может стать только тот, кто полюбит этот запах с первого раза, когда этот запах будет побуждать к творчеству. Позже он купил в Колокольске кисточки, разбавитель и несколько приклеенных на картон холстов небольших форматов. В школе Серёжа стал посещать кружок рисования, где нашёл себе нового друга – серьёзного и целеустремлённого Васю Вятичева.

Вместе друзья стали ходить на этюды, вместе проводить время. Эти первые выходы на природу с красками по силе полученных впечатлений были сродни эмоциональному шоку. Неважно было, какими получались первые работы, главным было другое – какие чувства при этом испытывали юные художники. Яркое солнце, безудержный свет, тугой чистый воздух, опьяняющий запах красок, вызывали непреодолимое желание передать свой восторг на холсте. Друзья писали этюды, пейзажи, пробовали свои силы в портретах, натюрмортах и других жанрах.

В жизни Серёжи наступал новый период, из подростка он превращался в юношу, а за этим следовали новые пережива-

ния, новые чувства, размышления, желания, мечты и разочарования. Одной из первых книг, прочитанных в это время, была «Как закалялась сталь» Николая Островского. Примеряя на себя образ главного героя книги – Павки Корчагина, Серёжа попросил бабушку сшить ему будёновку. Бабушка сшила, и Серёжа стал ходить в будёновке везде, и даже в школу.

В начале марта Серёжа как художник получил первое задание – нарисовать школьную стенгазету. Разложив на столе лист ватмана, он отмерил середину и во всю верхнюю половину листа вывел гуашью три большие буквы. Эти три буквы должны были означать заголовок газеты. Текст внизу, как правило, писали девочки, у которых был подходящий для этого почерк. На следующий день Серёжа отнёс газету в школу и представил классной руководительнице, но та, несмотря на своё гуманитарное образование и многолетний опыт работы, от неожиданности растерялась и, сделав изумлённое лицо, повела автора вместе с его «работой» на представление к директору школы. Юрий Михайлович, как бывший фронтовик, конечно, оценил смелость и новый, незаносенный подход к обычному пионерскому поручению и даже слегка посмеялся.

- Это ты сам придумал? – спросил он, улыбаясь.
- Сам.
- Оригинально...

Юрий Михайлович хотел сказать ещё что-то, но, перехватив испуганный взгляд классной руководительницы, понизив голос, спросил:

– А старшая... видела?

– Не-ет...

– Ну хорошо, и не показывайте ей, а то шум поднимет.

Директор, конечно, имел в виду руководительницу школьной пионерской дружины – сверхактивную старшую пионерскую вожатую, умевшую достать своим жалом каждого, не разбирая: свой – чужой. Вздохнув, он попросил Серёжу заголовок переделать.

– Так надо, брат, – сказал он напутственно.

Серёжа нёс домой новый лист ватмана и сожалел, что его труд, его находку общество, пусть даже и в лице одной учительницы, не поняло и не оценило. А жаль...

– И что плохого в том, – думал он, – что газета, посвящённая женскому дню, называлась бы «ЕВА»? Разве Ева не была первой женщиной? И чем она хуже других? И вообще, что это за праздник, который не для всех, а делит население посёлка по половому признаку?

Серёжа чувствовал, что что-то нечестное и неправильное скрыто в этом странном и непонятном ему празднике. «Что это значит – «женский день»? – задавал он себе вопрос. – Когда «женский день» в бане – это понятно. Это значит, что мужчин не пускают. Но почему тогда «женский день» 8 марта женщины не хотят отмечать без мужчин? Выходит – туда

нельзя, а сюда можно? Уж лучше бы назвали этот праздник «днём женского непостоянства».

Он вспомнил, как отец рассказывал, то ли в шутку, то ли всерьёз, что когда он ещё мальчишкой до войны работал в колхозной конюшне, то старший конюх Перетятько велел ему как-то дать лошадям овса.

– Всем давать? – поинтересовался Валерка.

– Забыл, какой день сегодня? Только кобылам давай, а у этих, – он махнул рукой в сторону жеребцов, – праздник уже прошёл.

Заголовок он, конечно, переделал, но это уже не грело. Теперь на листе красовалась просто календарная дата – 8 марта.

– А почему бы не 8 июля? По крайней мере, с цветами не было бы проблем... А для марта достаточно и Масленицы – разве мало?

В апреле Серёже исполнилось четырнадцать лет – момент в жизни ответственный. Детство осталось позади, а впереди – океан чувств и переживаний. Он уже научился варить суп, сплёл первую вершу, собрал простенький транзисторный приёмник, сделал парусный корабль и несколько картинок маслом. Немного, конечно, но это было только начало...

После очередного партийного съезда по радио было объявлено, что страна переходит на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями. Правда, сам рабочий день

станет на час длиннее. Сообщение прогремело громом. Одни думали о том, как теперь использовать свободное время, другие не знали, куда теперь его девать. А у жён свои страхи...

– Совсем сопьются мужики...

– Имею право отдохнуть!

– Молчи уж! ..

– Партия об народе завсегда думает – целый день на опохмелку добавила!

Растревоженным пчелиным роем гудел заплёванный Дунай. Быстрорукая Дуся то и дело давила на длинный рычаг сифона, нагнетая в большую дубовую бочку необходимое давление. Пузатые гранёные кружки совершали свои привычные круговороты – от стойки к заваленным рыбьей шелухой столам и обратно – ставились под разлив. Пена ползла через край, а ждать отстоя не у каждого хватало терпения...

– Давай, не задерживай!

– Держи, Пармёныч...

– Лёха, привет! Иди к нам...

– Дуся, ещё парочку...

Отдыхал народ после трудового дня. Сбрасывал усталость, выпускал пар. Душа общения требовала, а где же утолить эту человеческую потребность, как не здесь? Дома же-на... Там не поговоришь. Только в Дунае и можно. А Дуся не выдаст, она своё дело знает...

Сизое облако дыма дремало на промасленных кепках как

на горной гряде, не желая покидать притомлённое помещение.

21

Все дни рождения в семье Полининых приходились на первую неделю апреля, только у бабушки и младшего брата они были в мае. Как правило, отдельно они не отмечались, иногда сводились к какому-то одному дню, обычно к ближайшему выходному. В 66-м году воскресеньем было десятое апреля.

В этот день в клубе шёл новый фильм «Гусарская баллада». Покупая за двадцать копеек билет на дневной сеанс, Серёжа не догадывался о том, какую огромную роль в его жизни сыграет этот фильм. Он покорит его с первых кадров, с первых звуков чудесной музыки. Он пробудит в нём неведомое ещё чувство любви, накроет его с головой и навсегда войдёт в его жизнь как один из самых любимых фильмов на свете.

Серёжа сидел в своём любимом девятом ряду и, не отрываясь, следил за тем, что происходило на экране. А там творилось чудо! Он впервые увидел тот мир, которым давно и страстно увлёкся, – с того времени, когда впервые увидел пластилиновых солдатиков на столе у соседа Жени. Он уже собирал по крупицам любую информацию о периоде наполеоновских войн, что-то читал и узнавал о том славном вре-

мени, он уже любил это время, но пока не догадывался, что любовь эта останется с ним на всю жизнь, и тут такое...

Серёжа был потрясён, душа его пришла в смятение, из глаз текли слёзы. Он тайком размазывал их по щекам, опасаясь, что кто-то может заметить. Он впервые видел своих героев живыми и горько сожалел лишь о том, что так поздно родился. Вот оно – его время, в нём он должен был жить, а всё, что происходит вокруг – не его, чужое, и он тут случайный гость. По ошибке... Сердце не могло выдержать такого напора охвативших его чувств, оно захлёбывалось от любви не только к героине, но и ко всему, что творилось на экране.

Ещё никогда не был так ненавистен свет, который включили в зале, когда кончился фильм. Зачем этот свет? Хотелось ещё, ну хоть чуточку, остаться там, с ними: с гусарами, уланами и бедными французами в их прекрасном, но столь кратком историческом промежутке времени, пришедшимся на 1812-й год.

Как жаль, что уже никогда оно не повторится...

Серёжа растёр по щекам слёзы и направился к выходу. И тут его внимание привлекла белая курточка, выделявшаяся на общем тёмном фоне толпы. Серёжа присмотрелся: девушка, одетая в белую куртку, чёрный берет и бордовое платье, показалась ему красивой. Из-под берета на плечи спадали тёмные густые волосы. Выйдя на улицу, девушка повернула налево в сквер, а Серёжа пошёл направо к школе. Он смешался с шумной толпой, направлявшейся в библиотеку. Все

громко обсуждали только что просмотренный фильм. На перекрёстке толпа свернула налево, и Серёжа остался один.

День был солнечный, и, хотя местами ещё лежал снег, воздух уже был накачан пьянящим запахом весны. Шагая по тротуару, Серёжа думал сначала о девушке, потом мысли вернулись к фильму. Он думал, что как было бы хорошо оказаться лет на сто пятьдесят в прошлом и мчаться вместе с гусарами по заснеженному полю и рубиться с французами, только не убивать их, так как было бы жалко и французов, и их красивые мундиры, а рубиться просто так, для радости и удовольствия души. «Какое славное было время! – снова с грустью и отчаянием подумал он. – Ну почему я так поздно родился?»

В таких расстроенных чувствах он вернулся домой, только сразу в дом не пошёл, чтобы не перебивать настроения, а направился к сараю, и только когда мысли немного улеглись и успокоились, поднялся на крыльцо. По количеству обуви на веранде Серёжа понял, что к родителям пришли гости, может быть, в связи с тем, что у отца был юбилей – сорок лет. Из-за двери слышалась музыка. Постояв некоторое время, Серёжа вошёл в дом.

Первое, что его поразило и озадачило, была знакомая белая курточка, висевшая на вешалке. Это казалось невероятным, он даже потрогал её рукой, но курточка не растворилась в воздухе. Мама, увидев Серёжу, обрадовалась и сразу познакомила его с Верой – так звали незнакомку, чья белая

курточка висела на вешалке. Красота Веры поразила и смутила Серёжу. Ему ещё ни разу не приходилось так близко видеть красивую девушку, и он не знал, как себя вести. Он опустил глаза и сразу почувствовал, как сильно забилось сердце. Идеальный овал её лица ярко выделялся на фоне тёмных густых волос, спадавших до плеч, большие серые глаза утопали в длинных ресницах, а прямой нос придавал всему лицу неприступное благородство. Вера оказалась дочкой заведующей родильным отделением, в котором работала Серёжина мама.

Разглядывая Серёжу, Вера улыбалась, и это ещё больше его смущало. Чтобы скрыть смущение, он занялся пластинками. Потом достал из шкафа фотоаппарат «Смена-4» и стал фотографировать всех танцующих в комнате. Конечно, ему хотелось запечатлеть только Веру, но он боялся обнаружить своё чувство и снимал всех подряд.

Этот солнечный весенний день – десятое апреля он запомнил надолго. В этот день он трижды влюбился: в героев 1812-го года, в Шурочку Азарову, и, наконец, – в Веру.

Он вспомнил, что ещё в детстве встречался с Верой... Да, да, это была она... Она проехала мимо него на лыжах, он впервые увидел её и сразу почувствовал неосознанное к ней притяжение. Потом ещё раз он встретил её, идущую с мамой из бани. Они шли по улице, а он возвращался с горки и тянул за собой санки. Они поздоровались и пошли дальше, через сквер, а он долго смотрел им вслед и не мог сдвинуться с

места. Сколько же ему тогда было? Лет семь или восемь. Но Вера года на четыре старше. Она уже окончила школу и поступала прошлым летом в театральное училище, но не прошла. Собирается поступать снова...

Гости ещё долго веселились, танцевали, снова садились за стол и поднимали бокалы. Потом все разошлись. Ушли и Вера с мамой. Когда прощались, Вера протянула Серёже руку. Он машинально взял её ладонь и ощутил её холодные и мягкие пальцы. Взглянув ей в глаза, он сразу смутился и не нашёлся, что сказать, а только молча кивнул головой и потупился.

Потом весь вечер он стоял у окна и думал о Вере. Иногда перед ним всплывал образ Шурочки Азаровой и слышалась волшебная мелодия «колыбельной Светланы», от которой замирало сердце, но снова все мысли возвращались к Вере. Это новое, охватившее его чувство он не мог ни с чем сравнить, и оно тревожило, томило душу, наполняя её ранее незнакомой сладкой тоской.

В конце второй декады мая на пионерском параде, проводившемся по традиции в День пионерии, Серёжа ещё раз увидел Веру. Она стояла в толпе зрителей и смотрела на проходящие по дороге пионерские отряды. Это была последняя встреча с Верой. Вскоре она уехала...

Рядом с красным знаменем, которому отдавали салют проходившие мимо отряды, стояла, подняв руку в ритуальном приветствии, старшая пионерская вожатая, а сокращён-

но – СПВ. Даже теоретически было трудно заподозрить в ней наличие доброты и обыкновенных человеческих качеств. Это была женщина с повышенной социальной ответственностью. Внешне она очень походила на большую зудящую пчелу, которой все опасались, чтобы не угодить под её острое жало.

У Серёжи отношения с СПВ не сложились, правильнее сказать – они были неприязненные, а ещё честнее – он её ненавидел. Скрывать свою неприязнь он не умел и не скрывал. Учёба в седьмом классе подходила к концу, и все пионеры получали «выпускные» характеристики для перехода в следующую по возрасту молодёжную организацию. СПВ такую характеристику Серёже не давала, мотивируя свой отказ тем, что Полынин не любит выполнять общественные поручения и отбивается от коллектива.

– И вообще, он – индивидуалист! А ещё, – добавляла она, – он меня не любит! .. Вот скажи, Полынин, за что ты меня не любишь?

– Просто так не люблю, – отвечал Серёжа, не вдаваясь в подробности.

Так уж получилось в его жизни, что прежде чем он испытал первое чувство любви, его настигло первое чувство ненависти. Он легко наживал себе врагов, так как терпеть не мог «плохих» людей и всегда исключал их из круга своего общения.

Мать научила его говорить правду, поэтому всё то, в чём

он чувствовал ложь, он не любил. В поведении СПВ он чувствовал ложь, потому и не верил ей, и не любил её. В душе он был одиночка, но в то же время ему всегда хотелось иметь добрых и честных друзей. В своём одиночестве он чувствовал себя вполне уютно, потому что всегда находил себе занятие. Одиночество было его убежищем и спасало от дурного влияния. Оно необходимо для самосовершенствования. Наблюдая за игрой сверстников в футбол, который он тоже не любил, он всегда задавался вопросом: «Как можно так, забывая обо всём, впадать в азарт и гоняться по полю за мячиком? Неужели это интересно?»

Сразу после пионерского парада Серёжа снял свой красный галстук, аккуратно сложил его и убрал в старый комод на хранение. Больше в школу он его не надевал. Характеристику от СПВ он так и не получил, но совершенно не огорчился по этому поводу.

Весной 66-го года в Полудневскую среднюю школу из района по разнарядке пришла путёвка в пионерский лагерь «Орлёнок», только что построенный на берегу Чёрного моря. За «высокие показатели в учёбе» среди учеников шестых-седьмых классов был выбран Серёжа. Путёвка была дорогая, но родители, посоветовавшись, всё же решили оплатить её.

До этого уже три года подряд Серёжа проводил лето в пионерском лагере Колокольского транспортного управления, сокращённо КТУ. Лагерь располагался в сосновом лесу на

крутом, обрывистом берегу реки Ухтохмы, куда с трудом взбирались на первой передаче перевозившие детей грузовики. Три смены, проведённые в этом лагере, были для Серёжи лучшими днями детства. На всю жизнь он запомнил деревянные спальные корпуса, просторную столовую, где выпекались лучшие в мире булочки, широкий плац и длинный спуск к реке, где были оборудованы квадратные мостки купален, авиа- и судомодельные кружки, походы и пионерские костры. И повсюду необыкновенные, неповторимые запахи какой-то иной жизни. Словом, там было всё, о чём только можно было мечтать мальчишке.

Тридцатого мая Серёжа сидел уже в поезде, который увозил его на юг, в пионерский лагерь «Орлёнок». Он ехал к морю, которого никогда не видел, но уже заранее любил. Его детство закончилось, и он стоял на пороге нового жизненного этапа, в котором главным станут чувства и переживания, и где предстоит ему много думать и учиться выбирать непростые решения.

Глава II

Исповедь романтика

1

Приходилось ли вам когда-нибудь наблюдать, как отличаются по своему поведению шестиклассники от семиклассников?

Шестиклассники шумны, вертлявы, не сосредоточенны. Они – взрослые дети или, если хотите, неоперившиеся птенцы, которые подставляют свой раскрытый клюв всякому червячку, принесённому родителями.

Семиклассники же – иное дело. Главное их внимание обращено в себя. Им интересно и важно понять самих себя и своё место в окружающем мире. Семиклассники не шумят на уроках, они внимательно вслушиваются в слова учителя, пытаются найти в них ответы на интересующие их вопросы. Первоначальная картина мира, сложившаяся в их юных головах, начинает оформляться в раму эмоций и чувств и предстаёт уже с иной, новой для них стороны. Накопив критическую массу новой энергии, повзрослевшие дети обрушивают влюблённые взгляды на тех, на кого ещё год назад могли смотреть спокойно. Подростки – инопланетяне, осва-

ивающие незнакомую им планету...

Так было и, вероятно, будет.

Оказавшись, по воле случая, в новом и необычном мире, заполненном солёным морем, солнцем, свежим ветром и сотнями таких же, как он, подростков, Серёжа не мог уже оставаться прежним. Он стал меняться.

С тех пор, как он научился строить парусные корабли, он успел прочитать романтическую сказку «Алые паруса» и взволновавший душу роман «Бегущая по волнам» Александра Грина. Эти книги пробудили в его душе романтическую грусть. Теперь, находясь в «Орлёнке», слушая плеск волн, набегающих на полосу каменистого пляжа, он ощущал себя жителем волшебной страны Гринландии, и мечтал встретить свою Ассоль, и заранее был уже в неё влюблён.

Сорок дней, проведённые в «Орлёнке», – как заново прожитая до сей поры жизнь. Всё сначала. И были эти дни счастливейшими в жизни. Реальность происходящего на глазах мешалась с фантазией. Всё было явью, но казалось сном и сказкой – одной большой сказкой, в которой он – и участник, и зритель. И здесь его юный организм впервые выработал волшебный эликсир любви такого высокого градуса, какой бывает, наверное, только один раз в жизни.

Её звали Светланой. В «Орлёнок» она приехала из небольшого сибирского города Колпашева. Внешне она ничем не выделялась среди остальных девочек-подростков. Да и Серёжа ещё не умел оценивать ни фигуру, ни внешность. Но

когда он впервые заглянул в её глаза, ему показалось, что он тонет и теряет сознание. Он испытал первое в своей жизни эмоциональное потрясение. А дальше – в нём возникло и с каждым днём росло только одно желание – снова и снова видеть её, чтобы снова испытать это потрясение. Какого цвета были её глаза, он не мог понять: то ли тёмно-серые, то ли серо-синие, но они как магнит притягивали к себе, и не было сил – устоять перед этим желанием. Она была из другого отряда, и ему постоянно приходилось искать её. Он не решался подойти к ней близко и только издали наблюдал за ней. За все сорок дней он так ни разу и не подошёл к ней, ни разу с ней не заговорил. Чувство, которого он раньше не знал, сделало его робким и нерешительным. Оно не отпускало, сковав его волю и способность к простому общению.

Природа запустила в его организме неуправляемый химический реактор, и потребуются годы, чтобы Сергей смог научиться управлять этими процессами.

Настал день отъезда. Не помня себя, в порыве отчаянной храбрости, он вышел из автобуса и подошёл к ней, стоявшей в толпе провожающих. Она сразу поняла, что он направляется к ней, и встретила его улыбкой. Он что-то говорил ей и не слышал своего голоса. Пообещал написать ей... «Напиши», – согласилась она. Это было единственное слово, которое он от неё слышал. Автобус увозил ребят по извилистой горной дороге в ночь, и никто не видел слёз, которые текли ручьями из его глаз...

– Напиши... напиши... напиши... на-пи-ши! – стучало в висках и рвалось что-то внутри...

В родной посёлок Серёжа вернулся другим. Начавшийся в «Орлёнке» бурный процесс внутренней перестройки продолжался во всех направлениях. Сознательно или интуитивно он вырабатывал для себя новые правила поведения, взглядов, установок и приоритетов. Он кипел максимализмом. За неимением старших наставников, способных объяснить и помочь ему с выбором линии поведения, он искал ответы в литературе, выбирая себе героев для подражания.

Вероятно, для того, чтобы придать значения своему чувству и в силу упомянутого максимализма, он решил, что будет правильным, если он не станет обращать внимания на девчонок в классе, не будет с ними разговаривать и танцевать. Учитывая потребности возраста, обет был жестокий и, в определённой степени, сыграл в жизни Серёжи роковую роль.

Через какое-то время его «странное» поведение стало вызывать озабоченность учителей и родителей. Его «разбирали» на классных собраниях, пытались проникнуть туда, куда он никого не допускал, делали наставления, давали советы, но никто не мог понять, что с ним происходит. А за внешней оболочкой «отшельника» скрывался хрупкий внутренний мир, где было только двое – он и его Светлана. Он понимал, что стал жить двумя жизнями: одна была внешней, дру-

гая – скрытой ото всех. То чувство, что испытал он в «Орлёнке», стало для него самым дорогим и важным в его жизни – тем, что он лелеял в себе и оберегал от посторонних. Это было только его...

Весной следующего года, когда в школе проходили творчество Лермонтова, Серёжа за ночь при свече прочитал «Героя нашего времени» и рыдал над сценой прощания Печорина с Верой. Роман произвёл потрясение в душе его. Ещё ни одна книга не вызывала в нём такого интереса и участия, как эта. Открыв первую страницу, он уже не мог оторваться от чтения до тех пор, пока не прочитал книгу до конца.

– Вот оно! – думал он, – То самое, что я так давно искал.

Это было его время! Наряду с наполеоновской эпохой это было время, в котором он хотел бы жить. И он погрузился в это время, и к двум жизням добавилась третья. Роман «Герой нашего времени» сделался его настольной книгой, а Печорин – наставником и примером для подражания.

В конце марта, не говоря ни слова родителям, Серёжа приехал в военкомат и подал заявление в Нахимовское училище, чем очень сильно расстроил свою мать. Он был охвачен романтикой моря и мечтал стать капитаном.

В апреле Серёже исполнилось пятнадцать лет. И тут он впервые подвёл для себя итог первым трём пятилеткам своей жизни. Он решил для себя, что нельзя тратить понапрасну отпущенное время, а нужно постоянно делать что-то полезное. Бабушка дала Серёже рубль на конфеты, а родители

купили первый в его жизни чёрный костюм.

А через день пришло письмо от Светланы!

Девять долгих месяцев он ждал его. Достав конверт из почтового ящика, Серёжа не стал сразу вскрывать его, а ушёл в сарай, забрался на чердак, закрылся там и, убедившись, что никто ему не помешает, распечатал конверт...

В конверте лежала обыкновенная открытка с дежурным поздравлением, но какую радость в сердце она вызвала, какой восторг в душе! Он прижимал открытку к груди, пытаюсь извлечь из памяти волнующий образ той темноволосой девочки с необыкновенными и не поддающимися никакому описанию глазами, и наслаждался своим маленьким счастьем, которое было ведомо только ему одному. Счастья этого было так мало, а ожидание его было столь долгим и томительным, что процесс этого ожидания скорее походил на самоистязание, которому подвергали себя средневековые рыцари. И Серёжа вольно или невольно выбрал для себя эту роль верного рыцаря, с которой постепенно сроднился.

Он лелеял и сохранял в себе любовь к незнакомой девочке, которую видел лишь несколько коротких мгновений, и не обращал никакого внимания на тех, кто был рядом.

2

С того дня, когда туапсинский поезд увозил Серёжу на юг, прошёл год. Серёжа окончил восемь классов и, сдав выпуск-

ные экзамены, подал заявление в Индустриальный техникум на отделение судовой радиосвязи. С Нахимовским училищем, к большой радости матери, ничего не получилось – в военкомате набирали ребят только в Суворовское. Но в душе Серёжи ещё теплилась юношеская мечта – связать свою жизнь с морем, и он решил сделать ещё одну попытку в этом направлении – попробовать стать если не капитаном, то хотя бы судовым радистом.

Но судьба распорядилась иначе. На диктанте он сделал более двадцати одинаковых и нелепых ошибок, которых раньше никогда не допускал, и получил двойку. Он не мог поверить в свою внезапную неграмотность и не понимал, как такое могло с ним произойти. Только знавший всё ангел-хранитель мог бы поведать ему обо всём, но он улыбался и хранил молчание. Эта «неудача», однако, нисколько не расстроила Серёжу. Видя неизбежность того, куда направляет его судьба, он окончательно оставил мечту о морской карьере и осенью продолжил учёбу в школе.

С девятого класса главным увлечением Серёжи стала физика. Этот выбор был обусловлен двумя причинами: приходом в школу новой учительницы физики – Людмилы Алексеевны и результатом его размышлений о том, что дело, которому он должен себя посвятить, не должно иметь ничего общего с человеческими эмоциями и чувствами. Потаённая любовь к Светлане сделала его закрытым снаружи для всех, и особенно для одноклассниц. Ему казалось, что самым пра-

вильным для него было бы играть роль невозмутимого человека-робота, которому не знакомы человеческие эмоции и слабости. В этом стремлении он дошёл до того, что перестал ходить в школьную столовую на обед, потому что не мог допустить, чтобы кто-то видел, что он тоже нуждается в еде. На школьных вечерах он выбирал себе место возле магнитофона, и, пока его одноклассники танцевали, он делал вид, что занят важным делом. Он вполне сжился с ролью невозмутимого «гармониста», и это помогало ему погашать в себе свойственные молодости порывы и желания. Он не нарушал установленные для себя правила, но трагедия заключалась в том, что его «дама сердца», ради которой приносились такие жертвы, по-прежнему не отвечала на его письма.

Второе письмо от неё пришло только к Новому году, то есть ещё через девять месяцев. Помимо самого письма в конверт была вложена маленькая фотография. Серёжа ликовал! В скором времени он изготовил для себя маленький образок с её миниатюрным портретом, с которым не расставался до самого отъезда в армию.

Новый год Серёжа снова встретил один. Родители, как они делали это и раньше, уехали на праздник в Иваново. В полночь он выключил свет, открыл окно, впустил в комнату порцию холодного воздуха и под бой курантов выпил бокал домашнего вина. В конце января от Светланы пришло третье письмо, а через месяц – четвёртое! Серёжа и рад был зачистившим письмам, и недоумевал одновременно: «Уж не со-

шла ли Земля со своей осью?» Свой ответ он отправил в стихах. Он уже пару лет пробовал сочинять. Разумеется, первые стихи были наивны и несовершенны, но он продолжал писать их, так как чувства, кипевшие в нём, искали выхода.

Быстро пролетела зима.

Накануне нелюбимого Серёжей женского праздника в школе решили организовать «огонёк» для старшеклассников, для чего с родителей собрали по пятьдесят копеек на ужин. Серёжа не собирался идти на вечер, но, поддавшись уговорам друзей и чтобы не обижать одноклассниц, в конце концов согласился и пришёл. «Огонёк» проходил в помещении столовой. После приветственных слов учителей состоялся небольшой концерт самодеятельности. Кто-то пел под аккомпанемент гитары. На столах возвышались горки пирожков и пирожных, шипел разливаемый по стаканам лимонад, в больших чайниках томился горячий чай.

К еде Серёжа не притронулся, так как не мог нарушать свои правила. Он просто сидел и смотрел по сторонам, а когда пришло время танцам, предусмотрительно переместился к аппаратуре. В разгар вечера он покинул зал и ушёл домой. Он сделал это не потому, что действительно хотел уйти, напротив, ему нравилось сидеть и смотреть на своих одноклассников, но он сделал это нарочно, из чувства противоречия. Если бы эти правила были кем-то ему навязаны, он легко бы нарушил их. Но он сам наложил на себя эту епитимию и потому строго соблюдал её.

Светлану он назначил «дамой сердца» и, как рыцарь, соблюдал данный ей обет верности. Конечно, это была игра, но всё в ней делалось по-настоящему. Этот трудный процесс самовоспитания растянулся на годы.

К своему шестнадцатилетию он сформулировал предельно краткий план на предстоящий год жизни: прекрасно учиться, воспитывать волю и терпение, игнорировать инстинкт сохранения вида. Последнее вытекало из второго.

Получив от Светланы очередное письмо, Серёжа остался им недоволен. Он засомневался в своей «даме сердца», так как всё больше убеждался в том, что она ничем не отличается от других девчонок, с которыми он учился в школе. Возможно, он ошибался. Но мысль, которая пришла ему в голову, стала для него небольшим открытием, и заключалась она в том, что свою «даму сердца» он просто выдумал. Возможно, не надо было читать «Айвенго» и другие рыцарские романы в юном возрасте, когда организм так подвержен впечатлениям? По молодости лет и по причине всеобщего атеизма Серёжа не мог знать, что, установив для себя собственные правила, а иными словами, заповеди и следуя им, он совершил, в некотором роде, грех, за который долго потом расплачивался и страдал.

3

Занимаясь самообразованием и расширяя кругозор, Се-

рѐжа черпал знания из двух источников: из книг и из кинофильмов. Рыться в книгах Серѐжа любил. Он перебрал всю школьную библиотеку, он часами листал книги в библиотеке поселковой, куда его допускали к стеллажам, он приезжал на велосипеде в Колокольск и подробно знакомился с новинками в своём любимом книжном магазине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.